

Глава 4. Категория времени, глагольная темпоральность

4.1. Общие положения

Категория времени с эпохи Аристотеля считается наиболее характерной особенностью глагола в отличие от имени, что также затем закрепилось в обозначениях термина глагол в некоторых языках, напр., в немецком *Zeitwort* 'время + слово' и коми *кадакыв* букв. "временное сказание" или «слово со значением времени». Эта категория наличествует в большинстве языков мира, в современных финно-угорских языках временные формы образуют самые различные системы. Скажем, коми и удмуртские языки, как близкородственные, отличаются друг от друга как по количеству времен, так и по образованию некоторых форм, например, презенса и футурума. С другой стороны, есть языки, где категория времени вообще отсутствует, это языки Юго-Восточной Азии: вьетнамский, индонезийский, бирманский, самоанский (Богданов 1977 : 129). Б.Комри описывает выражение временной локации в языках без категории времени на примере бирманского языка, где отсутствует различие настоящее (будущее / прошедшее) / непрошедшее (Comrie 1985 : 50-53). Развитых категорий времени и вида нет и в языках Западной Новой Гвинеи, где, по мнению О.Дахла, и время, и вид в коммуникативном аспекте являются несуществующими, в то время как значения этих категорий выражаются иными средствами (Dahl 2001 : 12).

По одному из общепринятых определений последних лет, время - "грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении" (Ю.С.Маслов) (ЛЭС 89). В принципе языковое отражение физического времени никак не может характеризовать его, ибо объективное время является явлением непрерывного характера, не имеющим ни начала, ни конца. Время как грамматическая категория выполняет операцию по дискретизации различных событий, расположенных на оси времени, относительно определенной точки отсчета, которая ситуационно обычно (в межролевом или традиционном употреблении) совпадает с моментом речевого акта. Поэтому категория времени совместно с категорией лица-числа определяется как дейктическая, она локализует события относительно точки отсчета, указывая на характер действия как одновременного моменту речи, предшествовавшего или следующего за моментом речи. Грамматическая локализация событий всегда осуществляется соответственно моменту речи, которую ещё называют дейктическим центром, термин ввел в научный оборот Б.Комри (Comrie 1985 : 9-10). По терминологии А.В.Бондарко это временной дейктический центр, "особая манифестация точки зрения говорящего, заключающая в себе признаки точки отсчета, исходного пункта определенной направленности в языковой интерпретации времени" (Бондарко 1990 : 7). В свою очередь момент речи может быть двояким: реальным, когда говорящий устанавливает события

соответствии с действительным реальным самоощущением (напр., Аски *ми мунам* вотчины "Завтра мы пойдем собирать ягоды-грибы), и воображаемым, когда говорящий, повествователь устанавливает, локализует события в соответствии с воображаемым самоощущением. Последнее обычно при написании художественных произведений, песен, статей и т.п. Так, воспринимающий информацию читатель обычно включается в смысловые цепочки написанного, выдуманного автором произведения, как бы переживая заново определенные событийные ряды или в воображении представляя их как реальные, напр., кз. *Лым сьлѡмсьяньыс поводдя су-лаліс ѡтырыш бур. Зэрыс кѡтѡдіс, шондіыс – пѡжис. Дольда ворсѡдчис* мала (Чисталев 111) "Со времени таяния снега погода стояла всегда хорошая. Дождь мочил (землю), солнце – пекло. Радостно играла природа"; кп. *Ньвеказз лѡсьтчасѡ* пукавны. *Босьтасѡ* печканнѡз, куделлѡз, чѡрссѡз, *ѡтлѡасѡ да мундны* улѡцѡйт деревня конѡцѡ, кѡтѡн пукалан керкуыс (Кытѡб 254) "Девушки собрались на посиделки. Взяли прялки, кудель, веретена, встретились и идут по улице в конец деревни, где располагается дом для посиделок". А.В.Бондарко отмечает: "прототипом" условного повествовательного временного плана в художественных произведениях является реальный план прошлого в рассказе говорящего о том, что произошло до момента речи" (Бондарко 1990 : 8). Или, по другой терминологии, это ситуативно неактуализированная речь, когда нет непосредственной связи содержания высказывания с речевой ситуацией, в частности, с позицией говорящего (нипущего) в момент речи (там же : 11).

Общепринято также положение о времени как образовании логико-грамматическом, в основе его развития и формирования лежит когнитивная деятельность человека по локализации различных событий на оси времени (подробнее об этом см. (Comrie 1985 : 2-7)). Важность категории времени подчеркивает также тот факт, что времена диахронно развились во множестве языков самых различных групп и семей с неодинаковыми структурно-типологическими характеристиками. Исследователи замечают один факт из истории языков: хотя во многих языках вид и время тесно связаны, категория времени часто выступает диахронно как сравнительно поздняя. В.Б.Касевич объясняет этот факт гносеологическими факторами: "идея времени" требует очень высокой степени абстрактности, поскольку она очень далека от фактов опыта. Гораздо более наглядными предстают легче наблюдаемые закономерные связи ситуаций по типу "действие-результат", воспроизводимость ситуаций, не говоря уже о пространственных представлениях наподобие "верх/низ", "впереди/сзади" (Касевич 1988 : 198). Этими факторами, вероятно, объясняются также большие различия в системах времен различных уральских языков, которые зачастую плохо соотносятся с реконструируемыми системами времен в прауральской/прафинно-угорской стратиграфии (подробнее об этом см. в следующем подразделе главы).

Краткое определение категории времени дает Б.Комри: "Время является грамматикализированной локацией времени" (Comrie 1985 : 9). По сути категории времени в различных языках являются различного рода дискретизациями временного континуума. Логическая структура времени состоит из двух, чаще из трех частей – настоящее / прошедшее / будущее времена или настоящее-будущее / прошедшие времена в тех языках, где

нет развитого футурума. Естественно, разные языки развили и по нескольку прошедших или будущих времен. В.В.Богданов указывает, что в языке зулу различается близкое будущее и отдаленное будущее время, в чеченском языке различается только что прошедшее, недавнопрошедшее, прошедшее и давнопрошедшее времена (Богданов 1977 : 129-130). В коми языке также различается два будущих и восемь прошедших, шесть из которых образуется аналитически, из сочетания неизменяемого вспомогательного глагола и спрягаемого основного. Кроме трех логических составляющих категории времени, некоторые исследователи выделяют и четвертое "условное" время или future of the past, по Е.Куриловичу (Kurylowicz 1964 : 25). Однако троичная система категории времени является наиболее общепринятой, ее можно выразить также схематически:

прошедшие времена	настоящее время момент речи	будущие времена
Ольо узис "Александр спал/выспался"	Ольо узь "Александр спит"	Ольо узяс "Александр будет спать"

В лингвистической науке по их основным особенностям различают абсолютные и относительные времена, семантика которых "связана с отнесённостью времени описываемой высказыванием ситуации к времени речевого акта (моменту речи) или к какому-либо иному моменту, служащему точкой отсчета" (Касевич 1988 : 201). Именно по характеристике точки отсчета принято разграничивать относительные времена от абсолютных. Последние имеют в качестве дейктического центра (точки отсчета) момент речи. Абсолютные времена выражают отношение действия или ситуации к моменту речи как одновременные, предшествующие или последующие. Это будущие, настоящее, I и II прошедшие времена в коми языке. Примеры: кз. *Тадзи найд тӧдмасисны. Нимыс нывкалӧн овлӧм* Лида (Изъюров 61) "Так они познакомились. Имя у девушки было Лиде"; *Поля тӧт талун помалас вурны концертной костюмъяс* (Шахов I 117) "Тетя Поля сегодня закончит шить концертные костюмы"; кз. – *Бӧбӧтчат, Павел Афанасьевич, что быдӧдныс деньга понда. Вежӧртан одд, оз меным вевдӧбрас уджыс гленитчы. Не ме съӧртӧ сӧя...* (Фадеев 234) – Обманываете, Павел Афанасьевич, что каждый за деньги [работает]. Понимаете или нет, не нравится мне работа наверху. Не по мне она...

Относительные времена выражают отношения действия или состояния не к моменту речи, а к некой другой точке отсчета, не совпадающей с моментом речи, коммуникативным актом. Чаще всего относительные времена производны от абсолютных, как в английском будущее в прошедшем или плюсквамперфект в немецком языке. Обычно в качестве точки отсчета подразумевается какое-то иное время глагола, чаще всего абсолютное, в составе сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, а также в полипредикативных и эллиптизированных конструкциях, напр., III прошедшее время в коми языке соотносится с I прошедшим временем в главной части сложноподчинительного предложения: *Дзор коз пу улын, Эжв дорын, Вир жӧптын куйӧ сыӧн шой. Збой сыӧм кусі, оӧм ори, Кор оӧм помасы нин вой* (Фролов 29). "Под седой елью, возле Эжвы, В луже крови лежит ее [Домны Каликовой] тело. Смелое сердце потухло, жизнь оборва-

ась, Когда уже кончалась ночь". Несмотря на общепринятость выделения относительных времен и аргументированность их толкований (Comrie 1985 : 56-64; ЛЭС 89; Богданов 1977 : 130; Бондарко 1990 : 14-15 и др.), нам представляется более верной их характеристика как абсолютно-относительных времен. В.Б.Касевич аргументирует их следующим образом: "По существу, правильное было бы говорить, что эти времена носят абсолютно-относительный характер: они специально указывают на отношение одной ситуации к другой, как правило, предшествование; в этом проявляется их относительный характер; в то же время предшествование обязательно "привязано" к соответствующему времени по отношению к моменту речи, т.е. это всегда предшествование в пределах либо абсолютного прошедшего, либо абсолютного будущего; в этом проявляется абсолютный характер времен указанного типа. Можно сказать, что абсолютно-относительные времена служат для того, чтобы обеспечить более дробное членение временного континуума до или после момента речи, когда необходимо указывать на временную последовательность разных ситуаций" (Касевич 1988 : 202).

По существу иным явлением в функционировании категории времени являются факты употребления форм абсолютных времен в относительных значениях, или иногда такие значения называют еще переносными, вносящими определенную модальную или стилистическую окраску всему высказыванию. В основе таких переносных, метафорических употреблений времен лежит логическая операция переноса события говорящим, когда он мысленно переносится в иной временной план, заново проигрывая как-бы прошлые события и представляя их как наглядные, напр., кп. *Коркò вделòма Важгорт деревня... Но деддэс жò то кьдз вистьасьлисò Важгортын олисес йьлись. Чòжòгòвса, комизс, мунòны уджавны али локтòны кысянь Важгорт деревняòт, а сэтòн отшр вексò уджалò-тэрмасьò, некòр весь оз ов* (Кытчò 258-259) «Когда-то была деревня Важгорт... Но деды вот как рассказывали о жителях Важгорта. Чежеговские, коми, идут работать или приходят откуда-то через д. Важгорт, а там люди всегда работают-спешат, никогда не бездельничают» (настоящее историческое); кз. *Тювòыс гòтрасьлас, челядьыс оз лолыь, гòтырыскòд найò и оласны* (из легенды) (КАП 80) "Тювэ женился (букв. женится), детей не получилось, с женой они и жили"; *Шмонитам ми бабòкòд и видзòдлыалам бòжджын узьысь кык чой вылò* (Куратова I 6) "Шутим мы с бабушкой и поглядываем на спящих на полу двух сестер" (будущее историческое). Перенос в другой временной план может быть и в ином направлении – как бы в будущее; при этом говорящий логически предвосхищает будущие события, употребляя формы I прошедшего времени, напр., – *Ой, кутиòм татì шильыди! Усим тай няйтас!* "– Ой, как здесь скользко! Упали ведь в грязь"; – *Видзòд, Ваня, котелокьд пòрòма, сèйим тай талун юкватò* (из разговора) "– Смотри, Ваня, котелок перевернулся, съели сегодня уху". Более углубленно семантика конкретных временных форм коми языка будет рассмотрена в основной части главы.

В современной лингвистической науке категория времени не является единственной категорией, имеющей дело с темпоральными отношениями. Дополнительно исследователи выделяют также категории таксиса и темпоральности, которые также необходимо кратко охарактеризовать,

особенно в их отношении к собственно категории времени. Обычно говорят, что понятия таксис и время, хотя и пересекаются, все же не совпадают. "Таксис – языковая категория, характеризующая временные отношения между действиями (в широком смысле, включая любые разновидности предикатов): одновременность/неодновременность, прерывание отношения главного и сопутствующего действия и т.п." (А.В.Бондарко 1990 : 503). В описании таксиса принципиальное значение имеет фактор целого периода времени, охватывающего значения всех членов полипредикативного комплекса.

Категория темпоральности включает в себя категорию времени и является более широкой по объему. "Темпоральность – это семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета. Вместе с тем темпоральность – это базирующееся на данной семантической категории функциональное семантическое поле, охватывающее группировку грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т.п.) средств того или иного языка, используемых для выражения различных вариантов данной семантической категории" (Бондарко 1990 : 5). Категорию темпоральности А.В.Бондарко основывает на принципе поля, выделяет центр и периферию категории, грамматический центр (ядро) составляет система временных форм, ближняя периферия состоит из аналитических причастно-страдательных форм, полных причастий, образований типа *говорящий, едаль*, безглагольных синтаксических конструкций типа *Брат – учитель*, дальняя периферия состоит из деепричастий в составе деепричастных конструкций, синтаксических конструкций с модальным значением темпоральной отнесенности ситуации типа *Уйди́те!*, лексические обстоятельства (*сейчас, завтра* и т.п.), конструкций с временными союзами, различные контекстуальные средства (Бондарко 1990 : 39-58). Как видно из приведенного материала, категория темпоральности включает совершенно разнородный материал, а само понятие ядра и маргинала автором толкуется весьма условно, членение на дальнюю и ближнюю периферию у разных исследователей может быть совершенно неодинаковым. Анализ в рамках семантической категории темпоральности поэтому не входит в задачи нашего исследования.

Важен также вопрос о дескрипции грамматической семантики временных форм. В нормативных грамматиках коми языка и кратких справочниках значение обычно дается чрезвычайно кратко и схематично. Более подробное описание значений времен с различными подразделениями предпринял в своей монографии Б.А.Серебренников (1960). После краткого определения значения он давал при необходимости различные толкования. В настоящем исследовании предпринимается дескрипция временной семантики на основе выделения основного или инвариантного значения с дальнейшим членением на подзначения. При выделении инвариантных значений используется ставшая уже общепринятой схема распределения события (event) на оси времени с разновекторным направлением хода процесса с обязательным соотношением события относительно момента речи (speech moment) и относительно момента референции (reference) на

точки наблюдения говорящего (повествователя). Важным представляется также указывать в случае необходимости на предел развития ситуации, когда временное значение в коми языке одновременно выражает законченное действие, напр., во многих случаях формами II прошедшего времени: *Кайисны коз улö. Видзöдöны – морт кын, дундöма, лöз* (Чисталев 117) 'Поднялись [проплывающие по реке] под ель. Смотрят – человек холоден, опух, синий'. Конкретные дескрипции временных форм коми языка потребуют также различные толкования с приведением соответствующих примеров.

4.2. Категория времени глагола в уралистике

В типологических и сопоставительных работах по финно-угорским языкам категория времени глагола всегда выделяется как одна из основных, базовых категорий финитных форм (Серебренников 1960 : 7-8; 1964 : 80-116; Майтинская 1979 : 40-41; Comrie 1988 : 465; Kangasmaa-Minn 1984 : 78-79 и т.д.). Отмечается отсутствие единообразия по всем уральским языкам в отношении глагольных категорий времени, аспекта и наклонения; наоборот, фиксируется бросающееся в глаза разнообразие материала, которое трудно сопоставить из-за отсутствия стандартной терминологии в описаниях языков ареала (Comrie 1988 : 466). В качестве самой общей особенности времен уральских языков упоминается разделение между прошедшим и непрошедшим (позднее отнесенному к презенсу) временами (Comrie 1988 : 466; Kangasmaa-Minn 1984 : 79). Такое положение является прямым следствием особенностей уральского/прафинно-угорского праязыка с предполагаемым небольшим количеством синтетических глагольных времен (2 или 3). Э.Кангасмаа-Минн даже делает вывод о якобы неразвитости категории времени: "На первый взгляд, глагол испытывает недостаток в формальных различиях залога и аспекта, категории наклонения и времени смешаны и концепция времени в целом является неразвитой" (Kangasmaa-Minn 1984 : 79). Для сравнения приведем противоположную точку зрения Б.А.Серебренникова: "Глагол в пермских языках является довольно развитой частью речи. Это находит выражение в значительном количестве глагольных времен (особенно в удмуртском)" (Серебренников 1963 : 231). В большинстве уральских языков возобладала тенденция к увеличению глагольных времен, в основном за счет появления аналитических глагольных форм (будущие и прошедшие времена). В венгерском языке наоборот, из синтетических времен исчез претерит на **-i**, в эрзя-мордовском языке исчез имперфект на **-li** (Tauli 1966 : 156).

По мнению многих исследователей, в финно-угорском праязыке не было специального будущего времени, настоящее время выражало и значение футурума. Маркированных времен реконструируется три: настоящее время с показателем ***-k**, два прошедших на ***-j** и ***s'**. Такое положение считалось общепринятым с работы Й.Синнеи (Szinyei 1910 : 138-144) и уверенно сохранялось до 60-х гг. XX в. (Collinder 1960 : 303-310). О происхождении формантов ***-k**, ***-j** и ***s'** см. обзор мнений, данный К.Е.Майтинской (ОФУЯ 1974 : 297-307). Общепринято, что древнеуральские суффиксы времен являются суффиксами отглагольных имен, выступавших в функции сказуемого, что словоизменительные суффиксы произошли от деривационных. Таким образом, традиционно в финно-

изошли от деривационных. Таким образом, традиционно в финно-угорском праязыке реконструируется трехчленная система категорий презенса на ***-k** (наряду с морфемой Ø), прошедшие времена на ***-j** и на ***-s** (ОФУЯ 1974 : 298). В последние десятилетия появились более новые трактовки системы времен в прауральской ретроспективе.

Б.А.Серебренников усомнился в том, что в древности суффикс ***-k** выполнял роль маркера презенса из-за скудости рефлексов суффикса в современных языках. Он предположил, что ***-k** в праязыке являлся суффиксом будущего времени, но позднее функции неформального презенса и футурума контаминировались (Серебренников 1967 : 141-143). Однако это мнение не получило поддержки и признания. Более того, высказывались даже сомнения в существовании прауральского настоящего времени на ***-k** (Хайду 1985 : 241). К.Е.Майтинская предполагает существование двух видов настоящего времени в финно-угорском языке-основе: а) с нулевым показателем (отсутствием показателя времени), б) с использованием суффикса ***-k**, позднее преобразовавшегося в показатель императива (Майтинская 1979 : 41-42). Она отмечает: "суффикс ***-k** употреблялся только в целях подчеркивания значения настоящего времени, чем и объясняется, вероятно, скудость рефлексов этого суффикса в современных финно-угорских языках, а также его более последовательное использование в составе компонентов аналитических отрицательных форм, чем в составе форм утвердительного спряжения" (там же : 42). К.Е.Майтинская таким образом, реконструирует систему прафинно-угорских времен, состоящую из четырех форм, две формы для презенса (***-k** и немаркированная) и 2 формы для прошедшего времени (***-j** и ***-s**) (там же : 40). Относительно прошедших времен исследователями выдвинуты более новые положения. Так, считается, что наиболее древним показателем прошедшего времени является ***-s** на том основании, что в самодийских языках прошедших времен на ***-j** не засвидетельствовано (Серебренников 1967 : 143). Рефлексы прауральского ***-s** обнаруживаются в самодийских языках (**s** ~ **s**), в обско-угорских (**s**), мордовских (**š**) и марийском (**-š**), претерит на ***-j** сохраняется в венгерском языке (**-é, néz** 'он смотрел', историческое повествовательное время, ныне вышедшее из употребления), в прибалтийско-финских, саамском, пермских, мордовских языках **-i** (его следы есть и в марийском языке) (Хайду 1985 : 241). Одновременно П.Хайду предполагает существование множественности выражения времени в праязыке: не только тремя суффиксами ***-k**, ***-j**, ***-s**, но и суффиксами разнообразных инфинитных форм, а также временное значение глагола могло зависеть и от качества глагола, как это сохраняется в современных самодийских языках, где соотносительность отдельных форм с настоящим или с прошедшим временем определяется качеством глагола, напр., моментативный глагол в ненецком языке *temtā-š* 'купить' и без показателя времени несет значение прошедшего времени (*temtā-dm* 'я купил') (там же : 241-242). Исследователь заключает: "в праязыке, как и в самодийских языках, временная соотносительность глаголов не только могла выражаться с помощью показателей времени, но и зависела в известной мере от качества и видовой направленности глагола. Примеры подобных явлений можно найти не только в самодийских, но и в других языках уральской семьи, что говорит в пользу данного предположения" (Хайду 1985 : 242).

Идеи П.Хайду далее развил Ю.Янхунен, который реконструирует для уральского праязыка категорию времени двух типов: спряжение без специальных временных показателей, т.н. аорист, и спряжение с показателями времен, т.н. не-аорист, основывающийся на отглагольных именах, которые функционировали в качестве предикатов и спрягались по лицам (Janhunen 1982 : 36). Аорист, по его мнению, мог выражать значения настоящего, будущего и даже прошедшего времени в зависимости от семантики глагола (как в современных самодийских языках), время не-аорист выражался многими суффиксами, в прауральском для выражения прошедшего времени был лишь суффикс **šä/-šä*. Ю.Янхунен выделяет для прауральской стратиграфии четыре суффикса времен: *-šä/-šä*, *-j*, *-mä*, *-pä/-pä*, из которых последние три развили свои определенные функции позднее (там же : 36).

Таким образом, существует несколько реконструкций системы времен для прауральско-финно-угорского периода. В целом исследователи предполагают, что времена в праязыке были лишь синтетические и образовывали простую оппозицию "настоящее-прошедшее". Прошедшие времена характеризуются или как претерит, или как просто прошедшее время, лишь Ю.Янхунен выделяет суффиксы **-pä/-pä* и **-mä*, развившие позднее функции настоящего времени и перфекта уже после прауральского периода (Janhunen 1982 : 36). В целом такое понимание сущности глагольных времен экстраполируется и на современные финно-угорские языки. Так, Э.Кангасмаа-Минн отмечает: "Есть две временные категории – прошедшее и непрошедшее и большое количество темпоральных конструкций, основывающихся на отглагольных именах, которые, в соответствии с именным характером языка, играют большую роль в сложных высказываниях. В то время как простые времена выражают концепт абсолютного времени, именные формы содержат понятия относительного времени – предшествующее-непредшествующее, выражающиеся падежными окончаниями или деривационными элементами, которые присоединяются к глагольной основе" (Kangasmaa-Minn 1984 : 78-79).

Естественно, реально в современных языках системы глагольных времен организованы гораздо сложнее. Так, система времен коми языка включает одну форму презенса, две разновидности футурума и восемь форм прошедших времен, всего 11 различных времен. Конкретный обзор развития времен финно-угорских языков подробно представлен в работе К.Е.Майтинской "Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков", а также в исторических грамматиках конкретных языков (Майтинская 1979 : 40-72; Серебренников 1963 : 231-280; 1967 : 143; Галкин 1964 : 115-135; Лыткин 1995 : 64-68 и др.). Отдельную диссертационную работу о прошедших временах в марийском языке подготовила Л.П.Васикова (1955). Краткое рассмотрение истории категории времени уральских языков представила также Р.Бартенс, опираясь на реконструкцию прауральских времен, данную Ю.Янхуненом, правда, без ссылок на монографии и многие статьи, изданные о категории времени на русском языке (Bartens 1993 : 21-37).

4.3. Выделение и изучение времен в коми языкознании

За всю историю изучения коми языка глагольные времена постоянно выделялись во всех грамматиках. Ход фиксирования различных времен в работах XIX и XX вв. достаточно детально представил Б.А.Серебренников в своей монографии 1960 г. (1960 : 35-52), поэтому нет необходимости реферировать весь этот материал. Осветим лишь ключевые моменты в ходе изучения категории времени коми языка. В XX в. эта тема привлекла внимание исследователей. Отдельную статью о категории времени в 1934 г. подготовил И.И.Майшев (1934), однако наиболее серьезное исследование сделал Б.А.Серебренников в 1960 г. – издал монографию “Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и вожажской групп”. Затем эта тема учеными практически не затрагивалась вплоть до 80-90-х гг. Отдельные статьи о II прошедшем времени издали Р.Бейкер и Е.А.Цыпанов (Baker 1983; Цыпанов 1992a), в последние годы появились работы М.Лейнонен, в основном об эвиденциальном характере значений употребления глаголов во II прошедшем времени (Leinonen, Suranov 1995; Цыпанов, Лейнонен 2000; Leinonen 2000; Leinonen, Vilkuina 2000).

В целом тема выделения и описания времен глагола коми языка не служивает отдельного исследования, поэтому фактографическая часть сведена в таблицу, где отмечено, в какой работе какие времена зафиксированы или выделены как самостоятельные грамматические единицы. Однако до этого уместно привести полную номенклатуру времён, принятую за основу в настоящем исследовании. Всего в современном коми языке функционирует 11 временных форм:

1) Настоящее время, образующееся синтетически, суффиксами *-а* и *-ё*, напр., *Васька. А оз али мый? Вёвъяс моз и олам. Сёям, узям о тильсям* (Юшков III 119) “Васька. А разве нет? Живем как лошади. Едим спим и трудимся через силу”;

2) I будущее время, образующееся синтетически, суффиксами *-а* и *-ас*, напр., *Ичот морт, а гуас лёка уна нуас!* (Куратов 127) “Маленький человек, а в могилу очень много унесет с собой”;

3) II будущее время, образующееся аналитически, сочетанием инфинитива и спрягаемых глаголов *кутны*, *пондыны*, *модны*, напр., – *Пукалам рытнас: кыдзи нё мися пужужом кагананыс велодыны кутасны* (Ульянов 111) “– Сидим вечером, беспокоимся: как, мол, будут они учиться с грудным ребенком”;

4) I прошедшее время, претерит, образующийся синтетически при помощи суффикса *-и(-й)*, напр., кп. *Мый ме кери, мый ме кери* – *Богатый сайё пети* (Ох и 137) “Что я сделала, что я сделала – За богатого вышла замуж”;

5) II прошедшее время, модалный перфект, образующийся синтетически при помощи суффикса *-ом*, напр., *Степан Михайлович вёлма начальникон и тани*, *Лымваын* (Изыуров 119) “Степан Михайлович, по саухам, был начальником и здесь, в Лымве”;

6) III прошедшее время, прошедшее незавершенное (имперфект), образующийся аналитически, сочетанием неспрягаемого глагола *ёлли* и спрягаемых глаголов в формах настоящего времени, напр., *Йёла мёс ёлли*, но

рэдтэ эз сет. Пыр бычэ **вёлі вайё** (КАП 132) “Удойная корова была, но потомства не дала. Всегда рожала, бывало, бычков”;

7) IV прошедшее время, плюсквамперфект, образующийся аналитически, с помощью сочетания неспрягаемого глагола **вёлі** и спрягаемых глаголов в формах II прошедшего времени, напр., *Оти рытэ кильчэ вылын пукаліс Машэ да вёлі вёйтчэма сьдкыд мовтыяс пытшкэ* (И.Габов) (Ытва 307) “В один вечер на крыльце сидела Маша и погрузилась было в свои мысли”;

8) V прошедшее время, эвиденциальное незавершенное прошедшее, образующееся аналитически из сочетания неспрягаемого глагола **вёлм** и спрягаемых глаголов в настоящем времени, напр., *Тунтыс. Найё вёлм быдторэ тэдны* (КАП 67) “Колдуны. Они будто бы обо всем знали наперед”;

9) VI прошедшее время, эвиденциальный плюсквамперфект, образующийся аналитически, из сочетания неспрягаемого глагола **вёлм** и спрягаемых глаголов в форме II прошедшего времени, напр., *Егор Сава вёлм муьма затыскэд вэрасны арся вэрё* (КАП 141) “Егор Сава, оказывается, ушел с зятем охотиться в осенний лес”;

10) VII прошедшее время, прошедшее незавершенное многократное, образующееся аналитически, из сочетания неспрягаемого глагола **вёлі** и спрягаемых глаголов в формах I будущего времени, напр., *А кор воас рытыс, тшай юьм бэрын дедэ пуксяс вёлі аслас кока “Зингер” машинка сайё* (Э.Попова) (Дзирья 215) “А когда наступит вечер, после чаепития, бывало, дед садился за свою ножную швейную машинку “Зингер”;

11) VIII прошедшее время, эвиденциальное многократное незавершенное, образующееся аналитически, из сочетания неспрягаемого глагола **вёлм** и спрягаемого глагола в форме I будущего времени, напр., *Ме коркэ “Нива” журналысь лыддывели: воль велдчысьяс-студентъяс вёлм чуртчасны морт вит-дас, дай олёны отув* (Г.Федоров) (Ытва 238) “Я когда-то читал из журнала “Нива”: оказывается, бедные студенты, бывало собираются человек пять-десять и живут совместно”.

В представленной ниже таблице схематически зафиксировано, как в различных грамматиках и исследованиях выделялись времена глагола.

Таблица 9.

Фиксация временных форм коми языка в научной литературе.

Обозначения:

- форма времени не зафиксирована;

+ зафиксирована форма времени, но она не выделена в качестве самостоятельной грамматической единицы;

± зафиксирована форма времени и выделена в качестве отдельной грамматической единицы категории времени.

⊕ формы настоящего и I будущего времени объединены в одно настоящее-будущее время.

Времена работы	Буд. I	Буд. II	Наст.	Пр. I	Пр. II	Пр. III	Пр. IV	Пр. V	Пр. VI	Пр. VII	Пр. VIII
А.Флеров	±	±	±	±	-	-	-	-	-	-	-
A.Sjögren	±	-	±	±	-	-	-	-	-	-	-
A.Castrén	-	-	±	±	-	-	-	-	-	-	-
H.Gabelentz	±	-	±	±	-	-	-	-	-	-	-

П.Савваитов	-	±	±	±	-	-	-	-	-	-	-
И.Куратов	±	-	±	±	±	-	-	-	-	-	-
Г.Лыткин	±	-	±	±	-	-	-	-	-	-	-
F.Wiedemann	-	-	⊕	±	+	+	+	-	-	-	-
Н.Рогов	±*	±*	±	±*	±*	-	-	-	-	-	-
T.Uotila	-	-	⊕	±	±	±	±	-	-	-	-
И.Майшев	-	-	⊕	±	±	±	±	+	-	-	-
Д.Бубрих	-	-	⊕	±	±	-	-	-	-	-	-
СКЯ	±	-	±	±	±	-	-	-	-	-	-
КПЯ	±	-	±	±	±	-	-	-	-	-	-
ПсД	±	-	±	±	±	-	-	-	-	-	-
K.Rédei	±	-	±	±	±	±	±	-	-	-	-
Б.Серебренников	±	±	±	±	±	±	±	±	-	+	+
ОКК	±	±	±	±	±	±	±	±	±	+	+

* Н.Г.Рогов в своей грамматике, хотя и выделяет 5 различных временных форм, сводит их в три времени: настоящее, будущее и прошедшее, последние два объединяют различные образования на основе общего временного значения.

Как свидетельствуют данные таблицы, и в ходе истории описания и изучения коми языка, и в работах последних десятилетий временная система языка представляется крайне разнородным образованием, разные авторы определяют ее неодинаково. Характерно, что формы настоящего и I прошедшего времени выделены во всех работах, иная картина: будущими и прошедшими временами, особенно с аналитическими. Первые грамматики, написанные в начале и середине XIX в., представляли глагол с 2-3 формами времени, М.А.Кастрен выделял лишь настоящее и прошедшее, в грамматических описаниях А.Шёгрена, А.Фасмера, Х.Габеленца, Г.С.Лыткина отдельно выделялось синтетическое будущее время (I будущее). II прошедшее время впервые как самостоятельную грамматическую единицу выделяет И.А.Куратов, причем он сразу определил полную программу лично-числовых форм, напр.,

Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. - йм	- ймайсь
2 л. - ымьд	- ымныд
3 л. - ым	- ымн(ы)

(Куратов 1939: 93)

После И.А.Куратова полную парадигму форм II прошедшего времени никто не выделял. Ф.И.Видеман в своей грамматике также отметил, что глагольное имя на **-ma** выступает в качестве 3 лица претерита, напр., *Jo voddzyn šuōmaōs* (sie sagten vor Gott) (Wiedemann 1884: 171-172). Однако Ф.И.Видеман не включил эту форму в систему времен. С работ И.А.Куратова укоренилась традиция выделения четырехчленной системы времен в коми языке, куда включались лишь синтетические времена, настоящее, I будущее, I и II прошедшие. Такая традиция выдерживалась в нормативных грамматиках 50-60 гг. XX в., диалектных монографиях

различных справочниках. Аналитические времена глагола выделены в хрестоматиях Т.Утилы и К.Редси, рукописной статье И.И.Майшева (III и IV прошедшие времена), хотя впервые аналитические времена зафиксировал Ф.Й.Видеман (Wiedemann 1884 : 202) в формах лишь 3 лица. Аналитическое будущее (II) выделялось в истории изучения коми языка вообще редко, лишь в грамматиках А.Флёрова, П.И.Савvaitова, а I будущее время зачастую объединялось в одну категорию настоящее-будущего времени в работах И.И.Майшева, Ф.Й.Видемана, Т.Утилы, Д.В.Бубриха и К.Редси, очевидно, не без влияния грамматической традиции описания глагольных времен прибалтийско-финских языков.

Наиболее полное представление о системе времен коми языка дано в монографии Б.А.Серебренникова 1960 г., где зафиксирована восьмичленная глагольная система, выделены также формы VII и VIII прошедших времен, которые включались в качестве отдельных форм выражения III прошедшего длительного времени. В работе Б.А.Серебренникова не выделялось в качестве самостоятельных единиц VI, VII, VIII прошедшие времена. В нормативной грамматике 1955 г. аналитические времена глагола вообще не включались в число времен: "Эти конструкции, выражающие различные оттенки временных значений, соответствующие особым формам некоторых западноевропейских языков (английского, немецкого и т.д.) нельзя считать за особые формы времен коми языка" (СКЯ I 216).

Категория времени коми языка, несмотря на существование специальных исследований по этой теме, остается малоизученной. Во-первых, ещё недостаточно подробно описана грамматическая семантика времён и особенности функционирования различных временных форм. Во-вторых, неадекватно описаны времена коми глагола в системном отношении, недостаточно подробно выявлены оппозиционные связи, внутрисистемные взаимоотношения грамматических единиц, составляющих категорию времени. Слабоизученным является материал аналитических времен: II будущего и всех прошедших времен. Из-за этого в научной литературе подчас бытуют абсолютно необъективные суждения. К примеру, считается, что аналитические прошедшие времена в пермских языках, особенно в коми, употребляются редко (Майтинская 1979 : 56; Серебренников 1988 : 51). Или, в частности, полагают, что прошедшее длительное время абсентива (*муна ёлӧм* 'я шел оказывается') встречается очень редко или вообще выходит из употребления (Серебренников 1960 : 80). И.В.Тараканов, характеризуя основное направление развития морфологической системы пермских языков, определяет в качестве общего в системе глагола удмуртского, марийского и татарского языков общность системы прошедших времен: первое прошедшее (очевидное), второе прошедшее (перфект), преждепрошедшее первое (плюсквамперфект I), преждепрошедшее второе (плюсквамперфект II), прошедшее длительное, прошедшее многократное, причем материал коми языка вообще не включается в эту общность (Тараканов 1998 : 202). Далее говорится об исчезновении аналитических прошедших времен в коми языке: "Как указывают исследователи, под влиянием русского языка первый плюсквамперфект там исчезает, усиливается частотность употребления первого прошедшего времени, второе прошедшее в значении перфекта нередко заменяется первым прошедшим" (там же). На самом деле система прошедших времен коми язы-

ка, включающая в себя 11 грамматических единиц, не подвергается никаким сокращениям в отношении количества времен, а III прошедшее время (прошедшее длительное) на самом деле является наиболее частым среди всех аналитических прошедших времен. Изложенные ошибочные мнения еще раз подчеркивают неадекватную изученность категории времени в коми языке.

4.4. Системообразующие связи категории времени

Дескрипция категории времени в научной литературе традиционно представляется как некий перечень грамматических единиц или их описание друг за другом в разных порядках, чаще всего по порядку преземи, прошедшие времена-будущие времена. Причем характер их системобразующих связей или не освещается, или он выявляется в ходе изложения всех форм, их значений и функций. Между тем сама категория времени организована не в виде однопорядковой линейности, она состоит из разных подсистем, которые организованы в единую систему, состоящую из трех компонентов: настоящего времени, формируя дейктический центр категории, группу будущих и группу прошедших времен, представляющие из себя разновекторные по направленности темпоральные характеристики действия.

Диахронно наиболее древними временными формами считаются синтетические времена, аналитические, очевидно, развились позднее. Однако в приложении к коми языку I будущее время, имеющее особые формы лишь у глаголов 3 лица (суффикс -ас), также является относительным новым образованием. Сопоставительный анализ с материалом удмуртского языка позволяет считать, что в общепермском языке-основе категории времени уже вполне оформилась как самостоятельная система, основные черты которой сохраняются и в современных пермских языках. Так, вероятно, система состояла из форм настояще-будущего времени на **i*, прошедшего времени на **-i*, модального перфекта на **-эш* и аналитических времен, состоящих из сочетания спрягаемых глаголов в настоящем времени и модальном перфекте со вспомогательными глаголами (всего 7 форм). В современных пермских языках развились будущие времена, а также увеличилось количество аналитических прошедших времен, особенно в удмуртском языке. В коми, в отличие от удмуртского, возникло аналитическое будущее время (II будущее), а в удмуртском языке вспомогательные глаголы *вал* и *вылэм* стали сочетаться также со спрягаемыми глаголами в формах I прошедшего времени, образовался II плюсквамперфект, по мнению Б.А.Серебренникова, под влиянием татарского языка, напр., *so muniz val* 'он ушел' (Серебренников 1963 : 231). Обладая несомненными сходствами в системобразующем отношении, временные системы коми и удмуртского языков также достаточно отличаются друг от друга.

В коми языке в течение собственно коми периода развития оформились две разновидности будущих времен, I будущее синтетическое (имеет отличительные формы лишь в 3 лице) и II будущее аналитическое. Оба будущих времени имеют различия в аспектуальном отношении: глаголы в I будущем получили специализацию для выражения действия целостного,

совершенного (или будущего совершенного), в то время как глаголы в формах II будущего времени специализируются для выражения действия незавершенного, нецелостного (или будущего несовершенного), ср. *Ваня аски помалас уджжэ* “Ваня завтра завершит работу” ↔ *Ваня аски кутас помавны уджжэ* “Ваня завтра будет завершать работу”. У глаголов в формах будущих времен функционируют также дополнительные значения; дескрипция их семантики, образования и истории форм будет сделана в дальнейших подразделах главы.

Вопрос о прошедших временах и их системных взаимодействиях более сложный и имеет богатую историю изучения. Прежде всего важно выяснить внутренние взаимоотношения наиболее древних синтетических прошедших времен, I прошедшего на **-и(-и)** и II прошедшего на **-ѳм**, сущность которых чаще всего определяется как противопоставление претерит - перфект, хотя эта расшифровка терминологически и семантически во все не является самодостаточной. Более точно можно охарактеризовать II прошедшее время как результативное. Б.А.Серебренников, отмечая широкое распространение перфекта в индо-европейских, финно-угорских, тюркских и кавказских языках, констатирует: “огромное распространение его в различных языках свидетельствует о том, что особое выражение результата действия представляет коммуникативную необходимость” (Серебренников 1988 : 49). Расхождения терминологических дефиниций прошедших времен, данные различными исследователями в ходе изучения коми языка в учебниках и исследованиях, наглядно видны из таблицы.

Таблица 10.

Фиксация прошедших времен в исследованиях и грамматиках.

Времена исследования	Прош. I <i>муніс</i>	Прош. II <i>мунѳма</i>	Прош. III <i>ѳлі мунѳ</i>	Прош. IV <i>ѳлі мунѳма</i>	Прош.V <i>ѳлѳм мунѳма</i>
А.Фаеров	прошедшее совершен- ное, несовершен- ное	—	—	—	—
И.Курагов	прошедшее время	прошедшее время 2	—	—	—
F.Wiedemann	Präteritum	Präteritum (3 sg)	—	—	—
T.Uotila	Präteritum	Perfekt	Imperfekt	Plusquam- perfekt	—
И.Майшев	общее про- шедшее время	перфект	импер- фект, длительное прошед- шее время	сложный перфект	давно про- шедшее время
СКЯ	прошедшее очевидное	прошедшее результативное	—	—	—

Времена исследования	Прощ. I <i>муніс</i>	Прощ. II <i>мунѡма</i>	Прощ. III <i>вѡлі мунѡ</i>	Прощ. IV <i>вѡлі мунѡма</i>	Прощ. V <i>вѡлі мунѡма</i>
КПЯ	I прошедшее (очевидное)	II прошедшее (неочевидное, перфект)	—	—	—
Д.Бубрих	очевидное прошедшее	неочевидное прошедшее	—	—	—
K.Pèdei	Preteritum	Perfektum	Imperfektum	Plusquamperfectum	—
Б.А.Серебrenников	первое прошедшее время	прошедшее неочевидное (перфект)	прошедшее длительное	плюсквамперфект (преждепрошедшее)	прошедшее длительное абсентия
R.Bartens	I. preteriti	2. preteriti	—	—	—

Таблица достаточно наглядно представляет разброс мнений о сущности грамматической семантики прошедших времен, хотя ключевым пунктом в разное мнений является вопрос определения сущности и различий в употребительности и семантике I и II прошедших времен. В ходе истории изучения коми языка в качестве наиболее бросающегося в глаза фактора семантического противостояния двух времен определяли эвиденциальность или неочевидность действия. Впервые на это различие указал в своей грамматике Н.Рогов: "Прошедшее: *ме кері* я делал, *сыја кіріс* и *сыја керѡм* он делал, *ныја воктыѡс* и *ныја воктѡмасј* они пришли. Отсюда видно, что третье лицо прошедшего времени в обоих числах имеет два окончания: одно видимое, кончающееся в единственном числе на **ыс**, **ис**, во множественном на **ысѡ**, **исѡ** и употребляемое тогда, когда действие совершалось или совершилось в глазах говорящего; напр.: *ме адзіві*, *сыја керіс* я видел, он делал или *ме адзіви*, *ныја керісѡ* я видел, они делали; другое невидимое, кончающееся в единственном числе на **ѡм**, **ем**, во множественном на **ѡмасј**, **емасј**, употребляется тогда, когда говорящий не видел совершившегося действия; напр.: *отпыр баітѡны*, *сыја воктѡм* люди говорят, он пришел, *отпыр вісјтавісѡ* *ныја воктѡмасј* люди сказывали, они пришли" (Рогов 1860 : 53). Такое противопоставление ярко бросается в глаза при исследовании обиходной разговорно-бытовой речи. В грамматиках и многих научных трудах фактор эвиденциальности приводится как основной различитель в дистрибуции I и II прошедших времен (СКЯ I 215; КПЯ 253; Бубрих 1949 : 124; Bartens 2000 : 207 и др.). Авторы удмуртской грамматики присоединяют к фактору эвиденциальности также фактор результативности в качестве отличительного признака двух синтетических времен: "В противоположность первому прошедшему, выражающему протекание действия в прошлом, до момента речи, второе прошедшее обозначает главным образом результат совершившегося действия. Первое прошедшее обозначает, как правило, такое действие, очевидцем которого был или как

будто был сам говорящий. Второе прошедшее употребляется для обозначения действий, очевидцем и участником которых говорящий не был. Об этих действиях он говорит по их результатам или со слов других. *Самолет сиёнен груззэ Дон вылэ куштэм* (В.Журавлев. Куашетүз камыш) Самолет груз с продовольствием сбросил на Дон» (ГСUY I 205).

Противопоставление эвиденциального или неочевидного прошедшего времени очевидному охватывает обширный ареал, куда входят восточные финно-угорские языки, пермские, марийский, обско-угорские, тюркские, болгарский, а также курдский, японский и эскимосский (в Гренландии) языки. Как указывает О.Дахл, все они объединяются под категорией квотатив (или же *imperceptive, non-witnessed, second-hand information*), причем квотатив выражается формами перфекта (Dahl 1985 : 149-150). В.Комри основной ареал распространения таких языков соотносит с прежней территорией Османской империи с включением ряда финно-угорских языков на территории бывшего СССР (Comrie 1976 : 110). Типологическое рассмотрение языков с временами, специализирующимися для выражения завершенного действия, информация о котором получена не прямо, а опосредованно, представил в своей монографии К.Харманн, есть и другие работы по типологии эвиденциальности (Naarman 1970; Evidentiality 1986 и др.). Применительно к коми языку эвиденциальная сема II прошедшего времени описана достаточно полно в работах М.Лейнонен и Е.А.Цыпанова (Leinonen 2000; Цыпанов, Лейнонен 2000).

Однако материал употребления I и II прошедших времен в коми языке очень часто вовсе не укладывается под влияние фактора эвиденциальности или неочевидности. Так, I прошедшее время является основным повествовательным временем в языке народного эпоса, сказок, художественной, научной литературе, в языке средств массовой информации при изложении событий, являющихся для повествователя/рассказчика явно неочевидными. Примеры: *Сё кёрныссэ сибединсыс, Оттик и менуреи кутисныс, Оттик и менуреи кутисныс. Сидз тай и кучисныс сё Нуодны мин и только-о* (КНЭ 261) "Сто оленей приблизили, Одного менурея (крупного кастрированного оленя) поймали. Так ведь и стали его вести только"; *Войбыд кайисны вёлаяс, рёмыд сынёдын вуджрасисны мегыръяс, юръяс. Сизымдасёдз лыддис Винева* (Чисталев 170) "Всю ночь ехали, подымались (ва катице) возникли с санями, двигались, как тени, дуги, головы. До семидесяти насчитал Винева"; *Кама районын мян эрабдз 4000 во сайын олис уральской пранарод, отласа йёз. Тайё йёзис олисны отласа прародинаын, сёркитисны оти кывйён – уральской подув кывйён* (Лыткин II 41-42) "В районе Камы до нашей эры 4000 лет назад жил уральский пранарод, единый народ. Эти люди жили на единой прародине, говорили на одном языке-основе"; *Чурлис Петр Распутин Печора вожын, Троицк сиктын* (В.Мартьянов) (КМ 4.03.1997 : 6) "Родился Петр Распутин на Печоре, в с. Троицк"; кп. *Ульяныс колылалис мужикой и сы бёрын ештётчис, юк-талис-вердис подасой, а кёр югдис, ветлис отирыскот гуна вылё, отсалис толётчыны* (Федосеев 173) "Ульяна проводила мужа и после этого сделала все по дому, напоила-накормила скот, а когда рассвело, сходила с людьми на гумно, помогла провеивать зерно".

На этот факт обратил внимание еще И.И.Майшев при рассмотрении семантики глаголов в I прошедшем времени: "В переводе "Краткого курса

истории в ВКП(б) это прошедшее употребляется во всех случаях и, конечно, даже тогда, когда ни о какой очевидности действия со стороны повествующего не может быть и речи: *Шоркодъ крестьяналон жо лыдыс вонвоо чинис* "Количество же средних крестьян с каждым годом уменьшалось (ВКР(б)-са История, 8)" (Майшев 1934 : 6). О непригодности лишь фактора неочевидности для объяснения употребления II прошедшего наряду с I прошедшим аргументированно отмечали Б.А.Серебренников и Р.Бейкер (Серебренников 1955 : 165-166; Baker 1983 : 71). На основании этого критического подхода иные исследователи предложили другие критерии для объяснения семантической разницы двух синтетических прошедших времен коми языка.

Б.А.Серебренников в качестве фактора разграничения семантики времен выводит результативное значение II прошедшего времени. По своей природе прошедшее неочевидное время представляет чистейший перфект типа латинского *perfectum praesentis*, который означает существующий в данный момент результат действия, законченного в прошлом. *Войся пурга дзикодъ тыртёма туйсо* "Ночная пурга совершенно замела дорогу" (Серебренников 1955 : 165). В другой работе он говорит о модальном значении неочевидности как результате развития от более древнего базового перфектного значения (Серебренников 1963 : 266). Однако фактор результативности не является глобальным разграничителем употребительности двух времен, т.к. глаголы в I прошедшем времени также могут указывать на результат действия, напр., *Медбортти сэсса дзикодъ эббссыс усц, эз кут вермыны ниньм керны. Измис гырк пытшиксыс пуксыны ни водны оз вермы, кокъясыс пыктисны, краж кодъ лошы* (Чисталев 117) "Наконец [Вась] совсем обессилел, не стал мочь ничего делать. Закаменело в груди и животе, не может лечь ни встать, ноги опухли, стали как обрубки дерева".

Подобное расширенное употребление I прошедшего времени в коми языке ярко видно при сопоставлении с удмуртским материалом, где употребление соответствующего коми II прошедшего времени более всеобщее, оно является основным средством повествования (Leinonen, Vilkkuna 2000 : 500-501). В целях иллюстрации уместно привести часть перевода одного текста на коми и удмуртский, стихов 35-36 9 главы Евангелия от Матфея: ³⁵И ходил Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелия Царства и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. ³⁶Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря". Коми перевод: ³⁵*Иисус ветлис-кытшлаліс став кар-ситод. Сійд велідіс йодзс еврей вичжоясыс, Ен видждыдалом йылысь бур юор висътавліс, бурдодаліс йодзс быдсям висъом-доймаломъясыс.* ³⁶*Унаысь-уна йодзс адзылдомысь сы сьолмод на едсна пырис дой: сэтшюм найъ одліны мудзось, эбостом-вынтюмось, видзысьтам ыжъяс кодбось (Матвей 33).* Удмуртский перевод: ³⁵*Иисус веллэм вань каржестіи но гуртжестіи, синагогасазы дышетыса, Эскэилыклэсь Евангелизэ тодытыса, пöртэм висенгёслэсь, лябронгёслэсь адямиясты бурмытыса.* ³⁶*Люкаськем калыклэсь возмасьтэк кылэм ыжжес кадь катятэммежэс, пазгыськемжэс адрыва. Со жалым соосты (Вильсизён 26).*

Такую разницу в употреблении II прошедших времен в коми языке, в отличие от удмуртского и марийского языков, Б.А.Серебрянников связывал с установкой повествователя: "В целях придания живости и наглядности в сказках употребляется обычно первое прошедшее время, хотя действия, описываемые в сказке, могут быть неочевидными для рассказчика. В этом отношении коми-зырянский язык существенно отличается от марийского и удмуртского языков, где употребление модального перфекта в этих случаях представляет закономерное явление" (Серебрянников 1960 : 65). И.И.Майшев также связывает разницу между употреблением I и II прошедших времен с характером представления действия говорящим или повествователем: "Между общим прошедшим временем и перфектом, хотя они оба обозначают бывшее действие, есть резкая разница. Общее прошедшее наиболее наглядно. При восприятии предложения с общим прошедшим в качестве сказуемого воочию рисуется развертывание действия во всей его специфике и динамике. К. Сійӧ *муніс* өрӧ, Удм. Со нӱлӱскы *мынӱз* "Он ушел в лес". В этом предложении глагол *муніс*, *мынӱз* в форме общего прошедшего времени рисует картину ходьбы как действия, развертывающегося во времени. Можно отчетливо представить все этапы этого действия... К. Сійӧ *мунӧм(а)* өрӧ. Удм. Со нӱлӱскы *мынӱм* "Он ушел, оказывается, в лес". Форма *мунӧм*, *мынӱм* не дает представления о развертывании действия во времени, а обозначает только определенное состояние предмета в результате действия" (Майшев 1934 : 11).

Таким образом, поиск оснований для дифференциации употребительности I и II прошедших времен с чисто семантических факторов исследователями переводился на психолингвистические. В этом отношении интересны также наблюдения Р.Бейкера, который попытался выдвинуть некий единый параметр – отчуждение повествователя от действия глагола. Автор заключает: "II прошедшее время в коми-зырянском является на самом деле центром механизма, который первично проявляет неопределенную или невовлеченную позицию, которую говорящий имеет по отношению к действию глагола и, в частности, указывает на его внимание, сфокусированное на результатах действия более, чем на способе его выполнения" (Baker 1983 : 80). Выдвинутое отношение говорящего к действию Р.Бейкер называет еще пространством (*space*), подчеркивая, что "условия, управляющие употреблением времени, являются соответственно субъективными и комплексными" (Baker 1983 : 79). Р.Бартенс, принимая взгляды Бейкера, выводит, что главное для говорящего, употребляющего глаголы II прошедшего времени, это неучастие его в действии (Bartens 1993 : 31). Однако и эти психолингвистические параметры не охватывают всех разновидностей употребления форм времен и даже противоречат в иных случаях с языковым материалом, напр., А *мийӧ таладор берегас изъя муй сизьдӧм окопъяӧ пырӧмайсӧ* (Торопов II 184) "А мы на этом берегу забрались в окопы, продолженные в каменистую землю". В этом примере говорящий сам принимал активное участие в действии, никакой особой дистанции от действия нет. Налицо случай выражения чистой результативности или статального перфекта. Фактор живописности представления действия глаголов в I прошедшем времени в отличие от невыраженности хода протекания действия у глаголов во II прошедшем также далек от универсальности, т.к. глаголы в формах I прошедшего времени теперь употреби-

тельны максимально широко, особенно в газетах, радио и телевидении научных работах в том случае, когда говорящий не был свидетелем действия и ни о какой живописности в восприятии действия глаголов быть не может, напр., *Любовь Ефимовна Шаньгина – врач. 44 во больнице* (КМ 6.10.2001:1) “Любовь Ефимовна Шаньгина – врач. 44 работала в больнице”; *Война помаліс Прибалтикаын. Сэсянь нуна Саратов да демобилизуйтісны 1945-ад воын* (Йӱлӱга 2001 № 18) “Окончил войну в Прибалтике. Оттуда повезли в Саратов и демобилизовали в 1945 г.”. В обоих примерах сведения о деталях жизни ветеранов респонденты узнали непосредственно от них самих. С другой стороны, мантически идентичное содержание глаголы могут выражать и формы II прошедшего времени, напр., *Пычӱ менам рӱдӱнас Койгортысь. Карвуджӱм грездын чужма-быдылӱма. Бать-мамыслӱн меведодза кӱдӱм ӱлӱма. Сэки челядӱтӱ унаӱс лӱсьӱдлісны* (Йӱлӱга 2001, № 18:2) “Моя бабушка по отцу родом из Койгородка. Родилась и выросла в д. Карвудж. У родителей была первым ребенком. Тогда детей много заводили”. Иными словами, во многих однотипных ситуациях, как показывают приведенные примеры, глаголы в I и II прошедших временах употребляются парами, находясь в отношениях дополнительной дистрибуции.

Для разграничения употребления времен ни один критерий или фактор, о которых шла речь выше, не является совершенно пригодным. И конечно, на экспансию в дистрибуции I прошедшего времени вместо дальнего перфекта прямое и сильное влияние оказывает русский язык, особенно при переводе материалов с русского на коми. К примеру, в переведенной с русского языка статье А.Малыхиной “*Волсяын ӱлӱ уна ычӱ да уна олысь*” (В с. Вотча было много церквей и жителей), написанной на основе архивных материалов и воспоминаний старожилов, большинство глаголов употреблено в формах I прошедшего времени, всего 37 употреблений. И лишь один пример есть на употребление II прошедшего времени (Йӱлӱга 2001, № 38 : 7).

В качестве факторов-разграничителей в употреблении I и II прошедших времен в речи, повествовании, в газетах, научной литературе в однотипных контекстах уместно выдвинуть еще три: фактор уверенности / неуверенности, доверительности / недостаточной доверительности, указания / неуказания на источник сведений о законченном действии глагола. По поводу фактора уверенности/неуверенности ученые уже делали определенные наблюдения. Б.А.Серебренников так комментирует пример *Тані йирсьӱмаӱсь да шойчӱмаӱсь, гашкӱ, и узисны* “Здесь пасылись отдыхали, а, может быть, и спали” (лоси): “Глагольное действие может быть фактически неочевидным для говорящего, но если последний уверен в его действительной реальности, он может употребить первое прошедшее время” (Серебренников 1960 : 65). Этот же пример Р.Бейкер толкует по-своему: мальчик выбором I прошедшего времени проявляет увеличение возбуждения и все возрастающее чувство вовлеченности в действие глагола (Baker 1983 : 81). На наш взгляд, здесь прав больше Б.А.Серебренников, нежели Р.Бейкер. Подобные переклочки с глаголами II прошедшего на употребление I прошедшего часты также в повседневной речи. В качестве иллюстрации приведем отрывок из рассказа Е.Афанасьева “Висьталӱ Мӱдей Паш” (Рассказывает Модей Паш), где

рой юмористического рассказа описывает случай из своих женитьб: *Бергдй юрѳ орчѳн куйлысьлань – Микол Сандра вѳлѳма. Ѳдйѳджык чеччи, мам дорѳ пети. Мый нѳ, юали, тайѳ тѳ ме дорѳ лѳдзин, да-й орчѳн на вѳдѳма?* (Афанасьев 37) “Повернул голову к лежащему рядом человеку – Микол Сандра, оказывается была. Быстрее встал, вышел к матери. Почему же, спросил, эту ко мне пустила, да еще рядом легла, оказывается?” В принципе для говорящего здесь действие матери (пустила) также является неочевидным, однако он употребляет I прошедшее время, будучи полностью уверенным, что пустить женщину к нему могла лишь его мать, т.к. никто другой в доме тогда не находился, они живут лишь вдвоем.

Фактор доверительности/недоверительности источнику сведений играет ключевую роль в языке фольклора, в повествовании о различных случаях жизни, газетных и научных публикациях, когда предпочтительнее в речи оказываются глаголы в формах I прошедшего времени, напр., *Иранскѳй йѳзлысь разнѳй кадѳ общепермскѳй йѳз бѳсьтисны скѳт видѳзм, а сыкѳд тиѳтши и кывѳяс: вурун, мѳс, меж, пода* (Лыткин II 45) “От иранцев в разные времена пермяне переняли животноводство, а с ним вместе и слова: вурун, мѳс, меж, пода”; *Войвылын комиас вѳтѳдз олѳсны мукѳд кывѳя йѳз. Найѳ, дерт жѳ, уна ывлавывса объектлы сѳтавлѳсны нимѳяс. Бѳрынджык комиаскѳд орчѳн олѳсны карельяс да вепсыяс, хантѳяс да мансиас* (Туркин 7) «На севере до прихода коми жили народы, говорившие на других языках. Они, конечно, многим природным объектам давали имена. Позднее вместе с коми жили карелы и вепсы, ханты и манси»; *Республикаса куѳѳдчысыяс весыѳѳрѳ няньѳѳ оз сѳйны. Сѳдз, 2001 волѳн медводдза куим тѳлысьѳ Комиын быѳд ыпнитѳс 488-ысь. Торѳѳн уна ѳзылѳс Сыктывкарын, Воркутаын, Удораын* (КМ 28.04.2001 : 7) “Пожарные республики зря хлеб не едят. Так, за первые три месяца 2001 г. в Коми пожар вспыхивал 488 раз. Особенно много загоралось в Сыктывкаре, Воркуте, Удоре”. Действия глаголов для говорящего, естественно, являются неочевидными, однако он, доверяя источнику или иному материалу, употребляет I прошедшее время вместо перфекта. Идентичным же образом говорящий может не указывать на то, что сведения о действии он получил не прямо, а от промежуточного источника (употребляя I прошедшее) или же не подчеркивать иной косвенный характер получения информации. Об этом факторе более подробно речь пойдет при рассмотрении семантики I и II прошедших времен.

В целом в современном коми языке регуляция в выборе употребления I или II прошедших времен включают в себя многие семантические параметры, и ни один из них не имеет глобального или всеобщего характера. На это указывает очень широкое употребление глаголов в I прошедшем времени, зачастую там, где было бы уместно употребить II прошедшее, напр., *Ѳти асывводзын, кор батькѳд лѳччим Эжва дорѳ вуграсын, Кырув шор бокысь аддзим кутиѳмкѳ иѳѳтик лѳбачлысь позѳѳ. Позѳяс ѳлѳи нѳль калык: куимыс эз торѳьяны ѳрта-ѳртсыс, а нѳльѳдыс ѳна ыд-жыѳджык вѳлѳи* – *Тайѳ, тѳѳѳмысь, кѳк пуктѳс калыкѳ лѳбач позѳяс. Сѳйѳ некѳр оз вѳч поз, сылысь пиянѳ бытѳѳны-лелькуйтѳны мукѳд лѳбачяс, – висьталѳс меным бать* (А.Некрасов (Гамса) 43) «В одно утро, когда с отцом спускались к Эжве удить, на берегу ручья Кырув обнаружили гнездо какой-то маленькой птицы. В гнезде было четыре яйца: три не отличались

один от другого, а четвертое было намного больше. – Это, очевидно, кушка подложила свое яйцо в птичье гнездо. Она никогда не вьет гнездо, её птенцов кормят-воспитывают другие птицы, – сказал мне отец». В отглагольном предложении по логике следовало бы употребить в модальном перфекте, т.к. действие его для говорящего было явно неочевидным, однако отец совершенно уверен в своих словах и поэтому употребил I прошедшего времени здесь закономерно. Ключевую роль во введении в речь I и/или II прошедших времен играет то, в каком функциональном стиле употребляются глаголы. Влияние разных факторов на употребление времен удобно демонстрировать в форме таблицы.

Таблица 1.

Факторы, определяющие использование I и II прошедших времен.

Семантические и прагматические факторы	Глаголы в I прошедшем	Глаголы во II прошедшем
эвиденциальность	- (+)	+
результативность	- +	+
отчуждение говорящего от действия глагола	-	+ (-)
уверенность/неуверенность	+	-
доверительность/неполная доверительность источнику	+	-
указание на источник сведений о действии	-	+

В строгом смысле последний фактор органически входит в фактор эвиденциальности, однако для современного коми языка он играет важную роль и самостоятельно, когда авторы употребляют I и II прошедшие времена параллельно, и без указания на источник, и с указанием на него, напр., в газетах, научной литературе подчас даже при передаче мнения иных лиц авторы употребляют I прошедшее время, напр., *Ученыйс льдыдённы, мый коми кывйын содтысян й-ыс артмис и-ысь, кодён вой войдёр помасьёны татшым кывъясыс. Комиын сійб усёдма, а удмурт кывйын вуджёма ы-ё* (Игушев II 27) «Ученые считают, что в коми языке вставочный й возник из и, на который в древности оканчивались такие слова. В коми звук выпал, а в удмуртском перешел в ы»; *Биограф М.Сибирцев пасйылс, мый Истомин бура тёдс зырянскöй кыв, кодс сик-кежлö омöля на вöлі туялöма* (Н.Хатанзейский) (Йöлöгä 2001, № 46 : 7) «Биограф М.Сибирцев отмечал, что Истомин хорошо знал коми язык, который к тому времени плохо еще был изучен». Глаголы в первом предложении (*артмис*), во втором (*тёдс*), по законам языка, необходимо было бы употребить во II прошедшем, т.к. идет прямая ссылка на источник сведений, однако авторы допускают употребление глагола без указания на промежуточный характер сведений о действии. Таким образом, I прошедшее употребляется в современном языке даже и в значении квотатива, вместо II прошедшего времени, напр., *Медводдза коми советскöй гижысьсёльöмсьяныс чöлмалісны виль алöм, Октябрь. Босьтам көть нин Виктор Савинöс да Михаил Лебедевöс. Семьянытшкөсса предание серти, Михаил Лебедевлön пöль-пöчыс вöліны крепостнойясөн. Көзяин-помещикыс коркö ворссис найöс картіön. Виль көзяиныс вуджөдс коньбрыясöс виль войвылö, «ош муд»* (Микушев 4) «Первые коми советские писатели от всего

сердца приветствовали новую жизнь, Октябрь. Возьмем хоть Виктора Савина и Михаила Лебедева. Согласно семейному преданию, предки Михаила Лебедева были крепостными. Хозяин-помещик когда-то проиграл их в карты. Новый хозяин перевел бедняжек на далекий север, «в медвежью страну»; *Сылӧн матыссаясыс тӧдчӧдісны, кутишӧм зіль да ыджыд сыблӧма өлі тайӧ авъя мортыс, кутишӧм уна бур сійӧ зліс* вӧчны коми йӧзлы (Б.Ильин) (КМ 2001, № 143 : 8) «Его родственники указали, какой трудолюбивый и сердечный был этот человек, сколько много хорошего он старался сделать коми народу». Здесь, вероятно, имеет силу также фактор доверительности источнику. Характер взаимоотношения дистрибуции I и II прошедших времен в современном языке, таким образом, имеет достаточно сложный характер.

Такая же сложная картина употребительности основных прошедших времен (I и II) наблюдается в современном удмуртском языке. Согласно сообщению Л.А.Карповой, в газетах в чисто информативных колонках используют I прошедшее (в основном), в сказках I и II прошедшее (довольно часто), в легендах и преданиях I и II прошедшее (довольно часто), в художественной прозе I прошедшее (чаще), II прошедшее (реже), в научно-популярных работах I прошедшее (в основном) и II прошедшее (очень редко). В целом вопрос дистрибуции разных прошедших времен в пермских языках ещё нуждается в дальнейшем изучении.

Аналитические прошедшие времена, состоящие из сочетания основного смыслового глагола и служебного глагола, в ходе истории развились в большинстве финно-угорских языков. По образованию и составу аналитических прошедших времен в языках выделяют два типа глагольных форм – «западный» и «восточный» типы. В западный тип входят прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки, в «восточный» – венгерский, пермские и марийский языки. В языках, охватывающих I тип времен, развились перфект и плюсквамперфект из сочетания спрягаемых служебных глаголов в настоящем или прошедшем временах с неизменяемым по лицам причастием прошедшего времени. Примеры на перфект:

	фин.	эст.	нем.	
1sg	olen lukenut	olen lugenud	habe gelesen	'я прочитал'
2sg	olet lukenut	oled lugenud	hast gelesen	'ты прочитал'
3sg	on lukenut	on lugenud	hat gelesen	'он прочитал'.

Служебный глагол всегда стоит перед основным смысловым. Исследователи полагали, что исторически перфект и плюсквамперфект возникли под влиянием индоевропейских языков, германских или балтийских, славянских, см. обзор мнений в работе К.Е.Майтинской (1979 : 52).

«Восточный» тип аналитических прошедших времен включает венгерский, пермские, марийский языки. Формы времен в этих языках образуют сочетания из спрягаемого смыслового глагола в настоящем, прошедшем, будущем временах и неизменяемого служебного глагола, напр.,

	коми		удм.		венгр.
1sg	мунӧма өлі	'я ушел'	мынэм вал	jöttem volt	'я пришел'
2sg	мунӧмыд өлі	'ты ушел'	мынэм(ед, ыд) вал	jöttél volt	'ты пришел'
3sg	мунӧма өлі	'он ушел'	мынэм(ез, ыз) вал	jötti volt	'он пришел'.

Если в пермских и марийском языках аналитические прошедшие времена широко употребительны, то в венгерском языке такие времена считаются устаревшими, широко употребительна только одна форма прошедшего времени условного наклонения, напр., *irtam volna* 'я бы писал (раньше)' (Майтинская 1979 : 57). Исследователи, отмечая типологическую и структурную близость аналитических прошедших времен в этих языках с подобными же временами в тюркских языках, не раз уже предполагали их развитие под влиянием тюркских языков. Для сравнения, формы пагола татарского языка из статьи Б.Ш.Загуляевой:

Isg	алдым иде	'я взял раньше'	
2sg	алдын иде	'ты взял раньше'	
3sg	алды иде	'он взял раньше'	(Загуляева 1984 : 50)

Однако материал коми языка не дает повода для однозначного согласия с этим положением, т.к. он никогда не имел каких-либо интенсивных контактов с тюркскими языками. Для всех языков отмечается одна характерная черта: служебный глагол всегда находится в позиции носительно спрягаемого смыслового глагола, напр., удм. *Курактоно адъятэк ульськом вал* (Медведев) '(Мы) жили не зная (досл. не видя) горы' (Загуляева 1986 : 66); *Ожно юмын законлан тукыстат ыле*, тений ук! 'Раньше закону божьему учили, а теперь нет' (Серебренников 1960 : 175); *Нелямынд воын ме вӧлі на зэв дзоля, Иванлы, ыджыджых вокӧлы, дасӧд во мунӧ вӧлі* (КАП 98) "В сороковом году я был еще очень маленьким, а Ивану, моему старшему брату, шел тогда десятый год".

Однако эта закономерность не относится к материалу коми языка, где вспомогательный глагол также может свободно стоять и в препозиции к смысловому глаголу, напр., *Коркӧ менам зятӧй вӧлі висъялӧ*, ме тӧ ветлі Тювӧ оланінас да керка местаыс пӧ тӧдчӧ на (КАП 80) "Когда-то мой зять рассказывал, я мол ходил к жилищу Тювэ и место его дома еще заметно"; *Ветлысь-мунысьдылы, туй йӧзыслы, ырӧштӧ вӧлӧм пуй тишӧн*. *Ставныӧ вӧлӧм юкталӧ* (Ӧгаш) (В.Напалков) (ВК 1992, № 4 : 36) "Проезжавшим, путникам, она, оказывается квас варила в чане. Всех, говорят, поила". Таким образом, в области порядка расположения компонентов глагольных форм коми язык отличается от удмуртского и марийского языков: порядок компонентов в коми языке свободный, не фиксированный.

Ученые и раньше обращали внимание на скудность аргументации в пользу тюркского влияния как источника образования аналитических прошедших времен в коми языке, учитывая также ограниченность болгарского влияния на протокоми диалекты в составе общепермского языкоосновы. По мнению Г.Берецки, коми диалекты восприняли болгарское влияние уже в позднепермский период, взято из работы Р.Бартенс (Bartens 2000 : 214). Это позволяет некоторым авторам опять-таки считать статус аналитических времен в удмуртском более сильным, нежели в коми (Bartens 2000 : 208). В другой своей работе Г.Берецки пишет, что в коми языке есть болгарско-тюркский субстрат или некогда якобы существовала область, заселенная прапермянами и болгаротюрками, что дало более обширное влияние на грамматику коми языка, нежели непродолжительные контакты с булгарами в позднепермский период (Bereczki 1992 : 8-9).

Свои сомнения в тюркской природе системы аналитических прошедших времен в восточно-финских языках изложил в своей статье А.Кюннап, который привел данные о развитии аналитических прошедших времен также в северносамодийских языках (ненецком, энецком, нганасанском), которые никогда не контактировали с тюркскими языками. Кроме того, исследователь обратил внимание на структурное несовпадение в строении аналитических форм: в тюркских языках связка, хотя также следует за основным глаголом, спрягается, а основной глагол неизменяем, в восточных финно-угорских языках наоборот, основной глагол спрягается, а связка остается неизменяемой, напр. тат. *бара идем* 'я ушел', *бара иден* 'ты ушел', *бара иде* 'он ушел'; соответственно делая вывод, что данный тип аналитических прошедших времен является очень древним уральским явлением (Künnap 1992 : 177). В другой своей работе А.Кюннап более аргументированно говорит о формировании аналитических прошедших времен как об общем явлении уральских языков, указывая, что почти все уральские языки имеют грамматические формы для выражения индиректала или незасвидетельствованности (indirectal, parrative, relative, absentive, inferential) (Künnap 1994 : 25). Мы также поддерживаем мысль об исконности аналитических прошедших времен глагола, которые по общей схеме семантических оппозиций в целом совпали с таковыми в волжско-тюркских языках.

По составу система аналитических прошедших времен в коми языке также отличается, особенно от аналитических прошедших времен удмуртского языка. В удмуртском языке исторически развилась наиболее разветвленная система аналитических прошедших времен, служебные неспрягаемые глаголы *вал* и *вылэм* сочетаются со спрягаемыми глаголами во всех синтетических временах: I и II прошедших, настоящим и будущем временах. Для сравнения, приведем коми и удмуртские аналитические прошедшие времена в двух столбцах.

удмуртский язык	коми язык
<u>I плюсквамперфект</u> (первое преждепрошедшее время) глагол в форме II прош. времени + <i>вал/вылэм</i> 2sg <i>мынымед вал/вылэм</i> 'ты ходил раньше/оказывается'	<i>мунӧмьд вӧлі</i> (IV прош. время)
<u>II плюсквамперфект</u> (второе преждепрошедшее время) глагол в форме I прош. времени + <i>вал/вылэм</i> 2sg <i>мынид вал/вылэм</i> 'ты шел/ушел раньше/оказывается'	<i>мунӧмьд вӧлӧм</i> (VI прош. время) нет соответствий
<u>Прошедшее длительное</u> глагол в форме наст. времени + <i>вал/вылэм</i> 2sg <i>мыниськод вал/вылэм</i> 'ты шел'	<i>мунан вӧлі</i> (III прош. время) <i>мунан вӧлӧм</i> (V прош. время)
<u>Прошедшее многократное</u> глагол в форме будуч. времени + <i>вал/вылэм</i> 2sg <i>мынод вал/вылэм</i> 'ты ходил неоднократно/оказывается'	<i>мунас вӧлі</i> (VII прош. время) <i>мунас вӧлӧм</i> (VIII прош. время)

Времена удмуртского языка были представлены в соответствии с трактовками удмуртских исследователей, которые сочетания спрягаемых глаголов в разных временах со служебными глаголами *вал* и *вылэм* считают одной грамматической единицей категории времени (Загуляева 1984; 1986; Каракулова, Каракулов 1999). Удмуртские исследователи насчитывают четыре аналитических прошедших времени. В соответствии с трактовкой Б.А.Серебренникова, сочетания глаголов в разных временах со вспомогательными глаголами удм. *вал/вылэм*, к. *ёлі/ёльм* считаются самостоятельными грамматическими единицами категории времени. В соответствии с этим приведем ниже названия и характеристики всех аналитических времен коми языка, которых насчитывается шесть. Почти идентичная система аналитических прошедших времен развилась и в марийском языке, поэтому для сопоставления приводятся также марийские соответствия времен.

III прошедшее время (прошедшее незавершенное, длительное), образуется из сочетания вспомогательного глагола *ёлі* с глаголами в настоящем времени, в марийском языке прошедшее длительное, напр., к. *ты лыддян ёлі*, мар. *лудат ыле* 'ты читал'.

IV прошедшее время (прошедшее завершенное, плюсквамперфект), образуется из сочетания вспомогательного глагола *ёлі* с глаголами во II прошедшем времени, в марийском языке преждепрошедшее время, плюсквамперфект, напр., к. *ты лыддьомыд ёлі*, мар. *лудынат ыле* 'ты читал раньше'.

V прошедшее время (прошедшее незавершенное неочевидное) образуется из сочетания вспомогательного глагола *ёльм* с глаголами настоящего времени, в марийском языке прошедшее длительное абсентива, напр., к. *ты лыддян ёльм*, мар. *лудат улмаш* 'ты читал оказывается'.

VI прошедшее (прошедшее завершенное неочевидное) время образуется из сочетания вспомогательного глагола *ёльм* с глаголами II прошедшего времени, в марийском языке преждепрошедшее время абсентива, напр., к. *ты лыддьомыд ёльм*, мар. *лудынат улмаш* 'ты читал раньше, оказывается'.

VII прошедшее время (прошедшее длительное многократное) образуется из сочетания вспомогательного глагола *ёлі* с глаголами 3 лица ед. и мн. ч. в I будущем времени, напр., *сійё лыддяс ёлі* 'он читал бывало', в марийском нет соответствия.

VIII прошедшее время (прошедшее длительное многократное неочевидное) образуется из сочетания вспомогательного глагола *ёльм* и глаголов 3 лица ед. и мн. ч. I будущего времени, напр., *сійё лыддяс ёльм* 'он читал, бывало, оказывается', в марийском нет соответствия. Таким образом, состав аналитических прошедших времен в языках неодинаков, в удмуртском языке восемь времен, в коми языке шесть времен, в марийском четыре. Вдобавок к рассмотренным в упомянутой монографии Б.А.Серебренникова в коми языке выделены VI, VII и VIII прошедшие времена.

С точки зрения грамматической семантики аналитические прошедшие времена в коми языке представляют собой такие формы, которые показывают план прошлого более дискретным с точки зрения говорящего. Они обозначают такие действия в прошлом, которые происходили относи-

тельно некоего ориентира, "тогда; тогда, когда..., когда-то". Например, в повествованиях о конкретном случае на озере: *Ты сѣтишм. Даддѣн мукам ѡлі да тысѡ ог вермѡ вуджны* (КАП 120) 'Озеро такое. Едем на нартах и никак не можем пересечь озеро'. Действие основного смыслового глагола может быть как незаконченным (III, V, VII и VIII прошедшие времена) так и законченным (IV, VI прошедшие времена) относительно некой точки отсчета в плане прошлого.

Другое семантическое разделение времен связано с оформлением и значением вспомогательных глаголов *ѡлі* и *ѡлѡм*, первый представляет собой форму I прошедшего времени, второй форму II прошедшего времени с выраженным эвиденциальным значением. Соответственно этому все шесть времен делятся на две группы. Все времена, оформленные вспомогательным глаголом *ѡлі* (III, IV (не всегда), VII прошедшие времена), обозначают то, что говорящий непосредственно был свидетелем действия или его результатов, а все времена, оформленные вспомогательным глаголом *ѡлѡм* (V, VI, VIII прошедшие времена), обозначают такие действия основного глагола, свидетелем которого говорящий не был, результатов действия лично не наблюдал, о действии узнал из промежуточного источника, например, от другого человека. Возьмем ситуацию, когда некий Ваня говорит о том, что видел своего друга вчера в кафе.

III прошедшее время. *Ертѡй ѡлі кафеын тѡрыт пукалѡ* 'Друг мой сидел вчера в кафе'. Говорящий непосредственно наблюдал действие своего друга.

IV прошедшее время. *Ертѡй ѡлі кафеын тѡрыт пукалѡма* 'Друг мой в кафе вчера, оказывается, сидел'. Это предложение можно воспринимать в двояком значении: 1) говорящий не видел сидящего в кафе друга, но непосредственно наблюдал результаты пребывания друга там, напр., забытую им на столе модную шляпу; 2) говорящий не видел, как его друг сидел, но знает об этом со слов других и доверяет/верит им, действие друга для говорящего бесспорно имело место.

V прошедшее время. *Ертѡй ѡлѡм кафеын тѡрыт пукалѡ* 'Друг мой, говорят, в кафе вчера сидит'. Говорящий говорит о действии друга со слов другого человека, действие преподносится как незавершенное.

VI прошедшее время. *Ертѡй ѡлѡм кафеын тѡрыт пукалѡма* 'Друг мой, говорят, в кафе вчера сидел'. Говорящий также узнал о законченном действии других со слов кого-то.

VII прошедшее время. *Ертѡй ѡлі кафеын пукалас...* 'Друг мой бывало, в кафе сидит (неоднократно)'. Говорящий говорит о многократных повторяющихся действиях друга в прошлом, свидетелем которых был сам.

VIII прошедшее время. *Ертѡй ѡлѡм кафеын пукалас...* 'Друг мой бывало, оказывается в кафе сидит (неоднократно)... Говорящий говорит о многократных повторяющихся действиях друга со слов других людей.

Кроме фактора эвиденциальности в выборе конкретных форм времени большую роль играет и фактор уверенности, доверительности, несомненности, например, в предложениях с IV прошедшим временем.

Таковы общие особенности системы аналитических прошедших времен в коми языке. Однако семантика различных форм бывает гораздо шире. Выделенные времена наиболее часто используются в устной речи, легендах, преданиях и былях, сказках и художественной литературе (прозе

и драматургии). И наоборот, в языке газет, теле- и радиопередачах, научных трудах они теперь очень редки, что объясняется как особенностями языка разных функциональных стилей, так и большим влиянием русского языка на язык средств массовой информации.

В обзор системообразующих связей категории времени коми языка уместно привести также краткую аспектологическую характеристику временных форм, которые можно свести в три основные группы на том основании, действие какого рода выражает или может выражать глагол в формах отдельных времен.

Таблица 12

Аспектологическая характеристика временных форм.

Времена, выражающие незавершенное действие	Времена, могущие выражать и завершенное, и незавершенное действие	Времена, выражающие завершенное или целостное действие
II будущее время настоящее время III прошедшее время V прошедшее время VII прошедшее время VIII прошедшее время	I прошедшее время	I будущее время II прошедшее время (чаще всего, но не всегда) IV прошедшее время VI прошедшее время

Это подразделение времен ярко свидетельствует о том, что категория времени играет важную роль в выражении аспектологической характеристики действия коми глагола.

4.5. Настоящее время

4.5.1. Образование форм презенса

Настоящее время в коми языке образуется двумя показателями, суффиксом **-а** в формах 1 и 2 лица и суффиксом **-й(э)** в формах 3 лица. В целом временные формы в языке отличаются устойчивостью и стабильностью. Парадигма глагола в настоящем времени в коми литературных языках следующая:

пырны "заходить"

Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. <i>пыр-а</i>	<i>пыр-а-м(й)й</i>
2 л. <i>пыр-ан</i>	кз. <i>пыр-а-нынд, пыр-а-д</i> , кп. <i>пыр-а-т(й)</i>
3 л. <i>пыр-й</i>	<i>пыр-й-ны.</i>

Диалектные корреспонденции суффикса **-а** отличаются неизменяемостью, стабильностью: кя. *муна, мунан* (Лыткин 1961 : 67), онк. *шу-а, шу-ан* 'я говорю' (Баталова 1990 : 117), ни. *пу-а, пу-ан* (Баталова 1996 : 108), кк. *ол-а* 'живу', *ол-ан* 'живешь' (Дмитрисна 1998 : 113), лл. *мун-а, пункт-ан* (ЛЛД 78), вс. *мун-а, мун-ам, мун-амё* (*мун-амё* Кб.) (ВСД 118), сс. **-а, -ан, -ам, -амё, -аннынд, -аныд, -ад** (ССД 49), скр. *мун-а, пункт-ан* (ПСД

130), нв. **-а, -ан, -ам, -аныд** (НВД 48), вв. **-а, -ан, -ам, -анныд** (ВВД 99), вым. **мун-а, пункт-ан** (ВД 119), печ. **-а, -ан, -ам, -анныд** (ПД 36), уд. **-а, -ан, -ам, -аныд** (УД 67), иж. **-а, -ан, -ам, -анныд** (ИД 80). Такая стабильность говорит о том, что настоящее время материально оформилось уже давно, находясь в оппозиции к суффиксам синтетических прошедших времен **н(і) ↔ -а ↔ -ѳм**.

Диалектные корреспонденции показателя настоящего времени в формах 3 лица более разнообразны, напр., кя. **мун-ѳ, мунѳнѳс** (Лыткин 1961 : 67), оньк. **шу-ѳ, шу-ѳн(ы)** (Баталова 1990 : 114), ни. **пу-ѳ, пу-ѳн(ы)** (Баталова 1995 : 108), лл. **мун-ѳ, мун-ѳнѳ** (ЛЛД 78), вс. **мун-ѳ (мун-ѳ Кб.), пункт-ѳныс (пункт-ѳныс Кб.)** (ВСД 118), сс. **-ѳ, -ѳны** (ССД 49), скр. **мун-ѳ, мун-ѳны** (ПСД 131), нв. **-ѳ(э), -ѳны (-эны), -ѳнѳ (-энѳ)** (НВД 48), вв. **-э, -эни** (ВВД 99), вым. **мун-ѳ, мун-ѳны** (ВД 119), печ. **-ѳ, -ѳны** (ПД 36), уд. **-ѳ, -ѳны(с)** (УД 67), иж. **-э, -эныс** (ИД 80). В формах 3 лица чаще всего выступает суффиксальный вариант **-ѳ**, в коми-язвинском диалекте **-ѳ**, в говоре с. Кобра **-ѳ**, в нижневьчегодском **-ѳ** или **-э**, в верхневьчегодских говорах и ижемском диалекте **-э**, как это закономерно бывает для непрерывных и суффиксальных слогов. Удорский диалект имеет два суффикса настоящего времени, наряду с **-ѳ** употребляется и **-ас** со значением презенса, напр., Вавс **пакталѳ, от'час, чинас** 'Вода выкипает, льется через край, уменьшается'; **Йѳнтас-вис'ѳ** 'Ноет-болит' (УД 68). Удорский материал сохраняет архаичное положение, показатели **-ѳ** и **-ас** еще недостаточно обособились, семантически оба могут еще употребляться в значении презенса.

Отрицательная парадигма настоящего времени близка к универсальности, т.к. значение презенса в отрицательных глаголах выражает корневая гласная **о-**:

пырны "заходить"

Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. ог пыр	ог(ѳ(й)) пырѳ(й), кп. ог(ѳ) пырѳ
2 л. он пыр	он(ѳ(й)) пырѳ(й), кп. од(ѳ) пырѳ
3 л. оз пыр	оз пырны, кп. оз(ѳ) пырѳ.

Диалектные корреспонденции в отношении показателя настоящего времени отрицательных глаголов **о-** также отличаются стандартностью и единообразием: кя. **ѳг мун, ѳн мун, ѳз мун, ѳгѳ мунѳ, ѳдѳ мунѳ, ѳз муннѳс** (Лыткин 1960 : 67), оньк. **ог шу** 'не говорю', **он шу, оз шу** (Баталова 1990 : 114), ни. **ог пу** 'не варю', **он пу, оз пу** (Баталова 1995 : 108), лл. **ог мун, он мун, оз мун** (ЛЛД 78), вс. **ог мун, он мун, оз мун** (ВСД 118), сс. **ог пыр, он пыр, оз пыр** (ССД 49), скр. **ог пукты, он пукты, оз пукты** (ПСД 131), нв. **ог мун, он мун, оз мун** (НВД 48), вв. **ог, огз мунз** 'не идем', **он, онз мунз** 'не идете' (ВВД 100), вым. **ог мун, он мун, оз мун** (ВД 119), печ. **ме ог мун, ми ог (огѳ) мун-ѳ (-ѳй)** (ПД 37), уд. **ог кар, он кар, оз кар** (УД 68), иж. **ог мун, оз мунз, он мун, он мунз** (ИД 81). Приведенные формы, хоть представлены и не все члены парадигмы спряжения, показывают, что в отношении выражения презенса диалекты практически однородны. Краткая характеристика образования, состава и истории отрицательной парадигмы спряжения в коми языке была уже дана в I главе.

4.5.2. Из истории форм настоящего времени

В отличие от всех других показателей синтетических времен, относительно истории суффиксов презенса **-а** и **-й/э** в научной литературе наблюдается большой разноречивостью мнений.

Наиболее общепринятой точкой зрения о происхождении **-а** является мнение о его природе как отражении рефлекса прапермского конечного гласного глагольной основы ***а**, который в удмуртском закономерно перешел в **о**, напр. к. *муна*, *мунан*, *мунам*, удм. *мыно*, *мынод*, *мыномы*, *мыноды* “пойду, пойдешь, пойдём, пойдёте” (Лыткин 1995 : 67; Майтинская 1979 : 46). В удмуртском языке в результате исторических изменений в оформлении 1 и 2 лица показателем настоящего времени стал рефлексивный суффикс **-s'k**, имевший повторно-длительное (медальное) значение, напр., *мынй-ськ-о* ‘я иду’, *мынйськ-од* ‘ты идёшь’ (Майтинская 1979 : 45), а суффикс **-о** преобразовался в показатель будущего времени, напр., *юало* “я спрошу, буду спрашивать”, *юалод* “ты спросишь, будешь спрашивать”, *юалоз* “он спросит, будет спрашивать” (ТСУЯ I 201).

Более ранние мнения относительно истории **-а** сводились к именному его происхождению. По мнению Э.Сетяля, **-а** произошел от суффикса **-p**, **-vu** со значением *poten possessoris*, к. *s'inna*, удм. *s'into*, ф. *silmävi* (Setälä 1886 : 85). Среди современных исследователей к этому же мнению присоединяется Р.Бартенс (Bartens 2000 : 188). По мнению Ю.Вихмана и В.И.Лыткина, сохранившиеся в пермских языках **-а**, **-о** некогда предшествовали финно-пермскому показателю настояще-будущего времени ***p**, являвшемуся первоначально причастным суффиксом (Лыткин 1995 : 67-68). Отличное от вышеприведенных мнение представил Б.А.Серебренников. Он предположил, что в основе **-а** был глагольный суффикс со значением разбросанности, рассредоточенности действия; понятие это родственно повторяемости, многократности, поэтому к **-а** прибавился элемент **l** (суффикс многократного действия) (Серебренников 1963 : 234).

Гораздо труднее дать объяснение истории суффикса 3 лица настоящего времени **-й** (*Вася узьй* “Вася спит”). Несомненно, **-е** является более поздней трансформацией от **-е**, сохраняющегося в нижневыхгодском, верхневыхгодском и ижемском диалектах. Этот суффикс несет и временное, и персональное значение, хотя по общепринятым в финно-угроведении мнениям в уральском праязыке глаголы 3 лица ед. ч. никакими особыми личными показателями не оформлялись, что сохраняется и в иных современных языках (Kukkonen 1984 : 5-6). Считается также, что, вероятно, в коми языке гласный **-е/-е** сохранился благодаря тому, что после него стоял какой-то суффикс отглагольных имен, предположительно ***-k**, образующий причастия настоящего времени (Kukkonen 1984 : 13; Bartens 2000 : 197). Временное значение суффикса **-й/э**, таким образом, перешло на него от древнего причастного, а лично-числовое значение возникло уже позднее.

По мнению В.И.Лыткина, формы **-е/-е** представляют собой чистую основу глагола на **-е-** (Лыткин 1995 : 76), однако причины соединения в парадигму глагольного спряжения рефлексов двух основ на **-а** в 1 и 2 лицах и на **-е** в 3 лице остаются открытыми, невыясненными. Логично было бы предположить былое наличие одного из видов основ в парадигме пре-

женса, именно на **-а**, которая трансформировалась в показатель времени во всех трех лицах.

Б.А.Серебрянников попытался разрешить это противоречие по-
ложу. Он считает форму на **-ε/-е** в пермских языках относительно позд-
ней, возникшей из **-а** путем изменения или нефонематическим путем в
целях устранения омонимии форм 1 лица ед. ч. и 3 лица ед. ч. **-а** или из-за
наличия ударения на 1 слоге в формах 3 лица, тогда как в глаголах 1 лица
ед. ч. оно падало на основу (Серебрянников 1963 : 245). Это объяснение
малоубедительно из-за принципиальной невозможности какой-либо вери-
фикации реконструируемых исторических процессов.

В принципе путь развития двух формантов для обозначения дейст-
вия настоящего времени можно объяснить, связав этот процесс с выделе-
нием в языке I будущего времени с показателем **-ас** в 3 лице. В большин-
стве исследований по истории языка общепринят тезис о том, что в обще-
пермском праязыке не было особой формы будущего времени, оппозиция
синтетических времен презенс ↔ футурум возникла уже самостоятельно, в
отдельных языках по-разному (Серебрянников 1963 : 274; Лыткин 1995 :
76). В последнее время, однако, появилось и противоположное мнение, со-
гласно которого оппозиция презенс ↔ футурум была уже в протопермском
языке, что показателем будущего времени был ***а**, в удмуртском он сохра-
нил якобы свое грамматическое значение, а в коми расширился до пре-
зенса (Bartens 2000 : 188). По мнению Р.Бартенс, показатель настоящего
времени в современном удмуртском языке **-s'k** отражает прапермскую
ситуацию, а та в свою очередь имеет параллели в других финно-угорских
языках, где некоторые суффиксы способов глагольного действия стали по-
казателями настоящего времени (Bartens 2000 : 189), например, от фрек-
вентативного суффикса показатель презенса образовался в хантыйском,
мансийском, нганасанском, камасинском языках (Майтинская 1979 : 43-
44; Kukkonen 1984 : 22). В целом теория Р.Бартенс, на наш взгляд, вряд
ли верна, т.к. материал коми языка и его диалектов не сохраняет каких-
либо следов функционирования коми рефлексивного ***-s'i** в качестве пока-
зателя презенса, к тому же в удмуртском суффикс **-s'k** употребляется
лишь в 1 и 2 лицах глагольного спряжения. Поэтому традиционная точка
зрения о позднем оформлении футурума в пермских языках представляет-
ся гораздо более обоснованной. К тому же такое развитие хорошо согласо-
уется с общезыковой тенденцией более позднего развития будущих времен
на основе или настоящего времени, или на основе аналитических
конструкций.

Вероятно, в общепермском праязыке было одно настояще-будущее
время на ***-а**, суффикс употреблялся во всех 3 лицах, а за ними следовали
лично-числовые суффиксы. Это положение хорошо сохраняет материал
коми-язвинского диалекта, где в парадигме форм I будущего времени
суффикс **-а** употребляется во всех трех лицах, напр.,

1 sg <i>муна</i>	1 pl <i>мунамо</i>	
2 sg <i>мунач</i>	2 pl <i>мунато</i>	
3 sg <i>мунас</i>	3 pl <i>мунашис</i>	(Лыткин 1961 : 67).

Особое внимание привлекает форма 3 лица мн. ч. **-а-нис**, где **а** со-
храняется без следующего за ним добавочного **-с**, как в большинстве ко-

ми диалектов, диахронно имеющего вторичное, более позднее образование. Допускаем также, что одновременно в формах 3 лица употреблялась параллельно и форма 3 лица ед. ч. ***-ekv**, которая затем в коми языке стала общераспространенной со значением презенса. Оба показателя времени, вероятно, какое-то время употреблялись в значении настоящего будущего времени, однако показатель ***-ekv** был, вероятно, более нейтральным, он использовался лишь с непереходными глаголами, а показатель ***-a** лишь с переходными. Это различие было зачаточной формой объектного спряжения, об этом подробнее см. (Лыткин 1977). В раннем периоде происходит оформление I будущего времени, к форме 3 лица ед. ч. ***-a** и показателю I прошедшего времени ***-i** присоединяется местоименный ***-s**. Дальнейшее закрепление **-s** в формах 3 лица стимулирует закон омонимического оттапливания, особенно после выпадения показателя I лица **-m**. Таким образом, в формах презенса глаголов 3 лица функцию маркера настоящего времени постоянно приобрел огласовочный гласный ***e**, перешедший затем в **e**, а более древний ***k**, вероятно, выпал еще раньше, в раннепермский период.

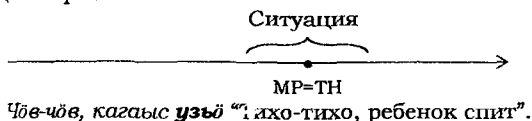
4.5.3. Грамматическая семантика презенса

В истории изучения коми языка значение форм настоящего времени чаще всего подробно не раскрывалось, в грамматиках давались лишь глагольные формы и несколько примеров. Более подробно семантика презенса была представлена в монографии Б.А.Серебренникова, где выделены два основных значения, – действия, осуществляющегося в момент речи и действия, не ограниченного определенным временным планом, а также представлены факты переносного употребления презенса (1960 : 52-54). Более дробное членение семантического объема презенса дано в энциклопедии “Коми язык” (пять значений) (КЯ 279-280), а также в новой научной грамматике коми языка (ОКК 239-241).

Между тем исследователи считают семантику форм настоящего времени чрезвычайно сложным феноменом. Некоторыми учеными даже высказывается мнение, что “отнесенность ситуации к настоящему моменту не может быть признана инвариантным значением форм настоящего времени» (Бондарко 1990 : 31). Действительно, глаголы в формах настоящего времени могут выражать процессы различного характера, в разных диапазонах длительности, а также во многих переносных значениях. В решении вопроса об основном, инвариантном значении лингвисты выработали различные подходы. Первый сводится к широкому восприятию значения презенса: “Постоянным и инвариантным для рассматриваемого значения является лишь такая временная ориентация, которая, не включая в себе указания на сферы прошлого и будущего, оставляет обозначаемую ситуацию в целом в центральной сфере временного дейксиса (центральной в широком смысле, без обязательной отнесенности ситуации именно к моменту речи)” (Бондарко 1990 : 23). Другой подход исходит из классического понимания настоящего времени как локации момента речи, и даже не допуская ничего иного, чем обозначение ситуации, относящейся к настоящему моменту (Comrie 1985 : 38). Настоящее исследование построено на осознании множества речевых актов, отражающих различные экстра-

лингвистические ситуации. Говорящий употребляет формы настоящего времени в целях выражения процессов различного характера, однако инвариантное значение соотносит действие/признак с моментом речи (МР), причем при этом момент речи, как правило, совпадает с точкой наблюдения (ТН), или моментом референции.

Структуру инвариантного значения презенса можно изобразить следующим образом:

Далее приводятся основные конкретные значения глаголов настоящего времени, подтвержденные примерами:

1) Значение действия, происходящего в момент речи или настоящее актуальное, напр., Аски Иван салдатик **шуд** другьясылы: – **Ог тдд**, мый лб (КМо 142) “На следующий день Иван солдатик говорит друзьям: – Не знаю, что будет”; Онї сэсса Анна тьбт гортсыс некытчб **оз мун**. Мам **думайтб** пиян йывысыс (Н.Попов) (Ытвa 67) “Теперь уже тетка Анна из дому никуда не пойдет. Мать думает о сыновьях”; **Тильскб** челядь серам шы. **Ворсыштб** псындыдик гы (Лыткин I 26) “Слышится приятный смех детей. Играет маленькая волна”; Шалашын лбнь, а ывлаас **пушкб** асыв-вой тбв, **тракйб** пуяссб. Вбрыс шуштбма **шугб** (Раевский 7) “В шалаше тихо, а на улице дует северо-восточный ветер, рвет деревья. Лес шумит невесело”; кп. Вот туй ылас **супалб** керку. Посбдзас старик кибб кымбс ылас **пуктбм**, **неджжасб** (Оласб 71) «Вот на дороге стоит дом. В сенях старик руку на лоб положил, высматривает».

2) Значение длительного действия, которое происходит одновременно и в момент речи, и в более продолжительное время, напр., Миян кага-ным омбля **сбйб** “Наш ребенок плохо ест”; Ббръя кадб **автобусьясыс** карын омбля **ветлбны** “В последнее время автобусы в городе плохо ходят” (из разговора); Баля Степан. Да, да, тэ **радейтан** визитьяс вбчавны. А ме ногбн... (Дьяконов 177) “Баля Степан. Да, да ты любишь делать визиты. А по-моему...”. Глаголы в этом значении локализуют настоящий момент в качестве более широкой ситуации действия, нежели непосредственно момент речи, причем говорящий в момент коммуникации названное глаголом действие может и не совершать, напр., Быд вблбгбн мэнб **аддзбдлб** Митрей дядь. Гбснеч век **вайб**, ас чери (Е.Афанасьев) (ВК 1989, № 3 : 48) “Во время каждого визита дядя Митрей меня навещает. Всегда гостинец приносит, свою рыбу”. Часто такое значение еще называют настоящим периодическим или многократным. Такую семантику усиливают и суффиксы способов действия **-ыьва/- ыьва, -л(ы)**.

3) Значение настоящего общевременного, постоянного действия или настоящего гномического, напр., Дугдывтбг **вежласб**, **пбртмасб** олбм – Сбдзи нин **важсянь**; Сбдзи жб **тулысыд** тбв ббръя **овлб**. Сбйб и гажа (Савин II 44) “Постоянно меняется, переливается жизнь – Так уже издавна; Также и весна за зимой бывает. Этим и весела”. Наиболее характерно подобное значение выступает в составе примет, пословиц и поговорок: вв. Ныр йыл **лудб** – кодке **ли вае** “Чешется кончик носа – кто-то сына рождает”; вым.

Море вылын утка **ууялб**. – Кош. “В море утка плавает. – Ковш” (ОКР 70, 232); *Бордсъялм пöткайс позйын он кут* “Оперившуюся дичь в гнезде не удержишь”; *Тупкõм вомнад он сёрнит* “Закрытым ртом говорить не можешь” (КШК 147, 34); *Дзуртан пу нэмсой дзуртб, а няргыс морт нэмб няргб* (КРФС 30) “Скрипучее дерево все время скрипит, а капризный чам-век все время капризничает”.

4) Значение относительного настоящего встречается в составе сложных предложений, когда настоящее время глагола придаточного предложения соотносится с временным планом глагола-сказуемого основной предикативной части, напр., *Обидаыс рокõс кодь жб, кор сйõс пуктам нянь шомб, – олб, паськалб ортб киссьымõн* (Юхнин III 229) “Обида подобна закваске, когда её кладешь в тесто, – живет, расширяется так, что вылезает наружу”; *Митрук тайõс пыр жб гõгровис, кõть визуветьыс васы оз тыдае* кыз йи да лым улас (Рочев II 19) “Митрук это сразу же понял, хотя текущая вода и не виднелась подо льдом и снегом”.

5) Настоящее историческое (*praesens historicum*) время представляет из себя вид переносного значения времени, оно употребляется при изображении давнопрошедших действий в стилистических целях оживления повествования, ради придания ему большей живописности, изобразительности, как бы приближая слушателя/читателя к временному плану повествования. Примеры: *Шмонитам ми бабакд да видзбдывелам* джод-жын узьыс кык чой вылб (Куратова I 6) “Шутим мы с бабушкой и поглядываем на спящих на полу двух сестер” (из воспоминаний о детстве); *Ку им тõлыс мысти кулб* Грушенька. А вояс оз на удит помасьны, зитас ачыс Куратов (Г.Федоров) (ОКК 241) “Через три месяца умирает Грушенька. А не успевает кончиться год, скончается и сам Куратов”.

6) Настоящее окказиональное значение употребляется тогда, когда автор употребляет формы презенса вместо логически направиливающих (и ожидаемых) других времен в повествовательных, стилистических или метрических целях (в стихотворениях). Подобное окказиональное настоящее может употребляться вместо прошедших времен, напр., в детском стихотворении: *Коркб важбн õти ошлбн Тõв шõр тõвнас унмыс вошлб* (Юшков V 80) “Когда-то давно у одного медведя В середине зимы сон пропал (букв. пропадает)”. В иных случаях авторы употребляют настоящее время вместо I будущего времени, напр., “*Ме кык сы кузьта чери кыллб Да ыж кодь ыджыд кõчõс лыллб. Кõть ошйысис тадз, тõдõс Лёшб, Мый кае вõрб кб – то вошлб* (Тимушев 37) “Я ловил рыбу в два обхвата И застрелил зайца размером с овцу”. Хоть хвалился так, знал Леша, Что если в лес пойдет, то потеряется”. Глагол *вошлб* составляет рифму к слову *Лешб*.

Однако формы настоящего времени в 3 лице могут также иметь и значение будущего времени, в этом отражается широкий праязыковой характер презенса, напр., *Аски челядь муноны Сыктывкарб* “Завтра дети поедут в Сыктывкар”. В данном случае уместно было бы употреблять форму с **-ас-ны** (мунасны). Данное явление довольно употребительно в диалектах, напр., печ. (при разговоре во время сватовства о невесте) *Дружкая, сватьятяас шубõны: “Велалб пб быдтор карны”. Мам-бать бара шуасы: “Ог пб сетб”* (ОКР 298) “Дружки, сватья говорят: “Научится все делать” (букв. учится). Родители опять сказали: “Не отдадим”. Логичнее здесь было бы употребить глагол *велалас* “научится” в форме I будущего времени.

4.6. I будущее время

4.6.1. Образование и история форм времени

В истории коми языка особые формы для I будущего времени оформились лишь для 3 лица, в 1 и 2 лицах суффиксы настоящего и I будущего времени формально совпадают, не отличаются, напр.,

Ед. ч.	Мн. ч.
1. <i>пыр-а</i>	кз. <i>пыр-а-м(ö)й</i> , кп. <i>пыр-а-м(ö)</i>
2. <i>пыр-а-н</i>	кз. <i>пыр-а-нынд</i> , <i>пыр-а-д</i> , кп. <i>пыр-а-т(ö)</i>
3. <i>пыр-ас</i>	кз. <i>пырас-ны</i> , кп. <i>пыр-ас-ö</i> .

Диалектные корреспонденции показателя I будущего времени не отличаются абсолютной унифицированностью: кя. *мунас*, *мунанис* (Лыткин 1960 : 67), оньк. *пет-ас*, *пет-асö* (Баталова 1990 : 117); ни. *өт-ас* 'доголят', *өт-асö* 'доголят' (Баталова 1995 : 111), кк. *гиж-ас* 'напишет', *гиж-асö* (Дмитриева 1998 : 115), лл. *мун-ас*, л. *мун-аны(-асны)*, лет. *мун-асны* (ИД 78); вс. *мун-ас*, *мун-аныс* (ВСД 118); сс. *-ас*, *-асны*, *-аны* (ССД 49), хр. *мун-ас*, *мун-асны* (ПСД 131); нв. *-ас*, *-асны* (НВД 48); вв. *-ас*, *-асни* (ВВД 99); вым. *мун-ас*, *мун-асны* (ВД 119); печ. *-ас*, *-асны* (ПД 36), уд. *-ас*, *-асны(с)* (УД 67), иж. *-ас*, *-асныс* (ИД 80). Обращают на себя внимание показатели 3 лица мн. ч. в коми-язвинском, лузском говоре лузского диалекта, верхнесысольском и среднесысольском диалектах: они без элемента *-с-*, что говорит об их большей архаичности. В удорском диалекте существует грамматическая синонимия двух форм *-öны(с)* и *-асны(с)*, напр., *Сэн свад'буйтöныс* 'Там свадьбу справляют'; *Чери йöрöны* 'Рыбу ловят'; *Сийэста тушкасны-уз'асны* 'Они крепко спят' (УД 69). Такой разницей объясняется историческими процессами.

Отрицательные формы глаголов I будущего времени формально полностью совпадают с соответствующими показателями настоящего времени, напр., *Муса томлун, сьöлöмшöрöй, Он нин сэсся сйöс бергöд* (А.Мишарина) (ВК 1993, № 3-4 : 112) 'Любимая молодость, милая, ее уже не возвратишь'; *Ыркыд сэн, оз шоммы ни оз пöсъя юанторйыс* (Куратова 1937) 'Прохладно там, напиток не скиснет ни нагреется'; *Сисьтöм черитö савыд оз спасит* 'Гнилую рыбу соль не спасет'; *Кывтöм немöстö век кöть кулав – нинöм оз вочавидз* 'Бессловесное животное хоть все время бей – не ответит' (КИПК 22, 92).

Глаголы в I будущем времени чаще всего употребляются в составе сложительных форм, напр., *Петас, вожъяс, шондö тан, Ме нин аддза ромöм былын* (Куратов 70) 'Взойдет, братья, солнце здесь, я уже вижу светает вдалеке'; *– Рытъя лысьтысигкежлö мед локтасны, – личмунöм шöлöмön шуис Баранова* (Безносиков II 20) '– К вечерней дойке пусть придет, – с отлеглим сердцем сказала Баранова'.

В исследованиях по истории языка считается, что в прапермское время не было особой синтетической формы футурума, хотя ее зарождение наметилось уже тогда, что подтверждает однотипность развития форм будущего времени в пермских языках (Майтинская 1979 : 61). Развитие I будущего времени в коми языке напрямую связано с обособлением выражения настоящего времени в 3 лице суффиксом *-ö/э* после выпадения финального **-k* от выражения будущего времени формативом *-а*, имевшем

новного значения, I будущее время очень часто употребляется во вторичных, переносных значениях.

I будущее время реализует свою грамматическую семантику в следующих основных подзначениях:

1) Значение будущего действия, осуществимого непосредственно за моментом речи или в определенное, известное время; глаголы употребляются обычно в разговорно-бытовой речи, напр., – *Абу шутка делё – ветлыны бора-водза. Миян ветлігкості тэ пусян, шойччыштан* (Юхнин 1267) “– Непуточное дело – сходить туда-сюда. Пока мы сходим, ты сварись еду, отдохнешь немного”; “Водзджык гортё **локта**”, – кабинаын пуккалі думайтіс Степан (Куратова II 46) “Раньше домой приеду”, – сидя в кабине, думал Степан”; – *Вола, дерт, Коля, – сы дорё матыстчём бёрын вочавидзи ме да топёдлі мелі кисё. – Но талун быць колё мунны. Автобус со локтас* (А.Ульянов) (ВК 1992, № 1 : 31) “– Приду, конечно, Коля, – после того как подошел, ответил я и сжал любимую руку. – Но сегодня обязательно надо ехать. Вот автобус придет”. Значение будущего действия могут усиливать суффиксы способов глагольного действия **-ы/-а, -ышт**, напр., – *Кайла пё ме вёрё, чёдлач вотышта, челядьёс чёсмёдлышта* (из сказки) “Мол, схожу в лес, голубику пособираю, детей угощу немножечко”; – *Петаласны аски челядь картупель босьтны* “Завтра выйдут на время дети на уборку картофеля”.

2) Значение действия в отдаленном или неопределенном будущем, время совершения действия говорящему неизвестно, напр., *Арталан-ё тэ, мый менам абу дасьтём грездса зон? Сійё мича, сійё мелі, сійё мездас менё, ён!* (Куратов 42) “Думаешь ты, у меня нет в запасе деревенского парня? Он красив, он ласков, он выручит меня, сильный!”, *Бура мёпавтёгыс да зільмтёгыс регыд сэся и корысьё пёран* (И.Торопов) (ВК 1989, № 4 : 10) “Хорошо не обдумав и не постаравшись, скоро и в нищего превратишься”; *Сиктын КБО-ыд абу. А дон босьтны яндзим: ас йёз, шабашникён на шуасны дай* (Ю.Васютов) (ВК 1989, № 3 : 30) “В селе нет КБО. А брать плату совестно: свои люди, еще шабашником назовут”. Поведение будущего может быть чисто условным, например, у глаголов в составе условных предложений: – *Гырысь черинад одйё кё тырас, одйё и бырас, – шуё Елим дядь* (Е.Афанасьев) (ВК 1989, № 3 : 45) “– Крупной рыбой если быстро наполнится (посуда), то быстро и опустеет”.

3) Гномическое значение; действие осознается как расширенное будущее, имеющее общевременное значение, употребляется в основном в составе загадок, пословиц и поговорок. Примеры: сс. *Керкаын ад-эштёмтор, а ыллаё пэтас да гун' да гон'* “В избе глазами не видеть, а на улицу выйдет – рябит (тепло)”; вв. *Ылін-ылін ёвё гөрегтэ да татчедз дамис ювас*. – Письме. “Далеко-далеко, конь ржет, а узда сюда идет. – Письмо” (ОКР 79); уд. *Нёль чоя-вока ёти кумё пырас, витёдыслён рёзё жыр*. – Кельсь. “Четверо братьев и сестер в одну келью заходят, а у пятого отдельная комната. – Рукавица” (ОКР 271); *Кыла-вора морт ен кыа аёгөрё кы-тшоветас* “Человек с хорошей речью всю вселенную обойдет (обходит)”; *Эндэ кылыд чертёг-пурттёг юртё кералас* “Твое слово без топора-ножа слову разрубит”; *Инан тёвартё одйё босьталасны* “Ходкий товар быстро заскупят (КШК 136, 139).

4) Значение настоящего многократного, обычного, каждодневного происходящего действия употребляется в повествовательных целях в составе сказок, былей, художественных произведений, напр., в басне описание того, как начальник обычно приходит на работу: "Здорово, другьясы-пыризмоз **кайтас** да **чабыртлас** кодсюрбяслы ки (Лебедев 166) "Здорово, друзья!" – заходя, постоянно повторяет и пожимает у некоторых руку". На синхронном уровне данное значение характеризуется как вторичное, однако исторически развитие значения не шло по пути транспозиции будущее действие → настоящее действие. В действительности же семантика настоящего, обычно совершаемого действия является сохранением исторически первичного праиндоевропейского презенса суффикса **-а**, которое обычно проявляется при описании воспоминаний о прошлом или же в целях дескрипции обычных, повседневных, характерных для людей действий, напр., *Став олан сямьс ота-модсьбыныс мозынсалһ да вашкасалһ торъясь. Весиғ сёрни сямьс. Вашкаса ветлас ёрһ либә ва выль да юалан кә, мый шедис, кузов тыр висьталас. А мозынсалы век нинһм абу шедһма, сйһ сьһмгатаь шуас ёскһн* (Ю.Васютков) (ВК 1989, № 3 : 29) "Вся жизнь друг от друга отличается у жителей Вашки от жителей Мезени. Даже манера разговаривать. Вашкинский сходит в лес и, если спросишь, что попало, расскажет, что полный кузов. А у мозынского всегда ничего не попало, он сёмгу называет мальком".

5) Действие в прошлом, так называемое будущее историческое, значение часто употребляется в фольклоре, пересказах былей, художественной литературе, напр., *Сидз пось изьяс костас олһм сылас Морт лы чегь-сяс сэн крачкакьлас, Пыктһм кывнас быд ас вирһ кюлас Да Сампсон и ачыс изьяс улас кулас* (Куратов 71) "Так между горячих камней его жизнь растаяла. Человеческие кости там с треском сломались, Разбухшим языком всю свою кровь вылизал И Сампсон сам под камнями умер". Будущее историческое является продуктом транспозиции временного значения в повествовательных целях с целью усилить внимание слушающего путем изменения временного плана, напр., *Ййй руьс босьтас да дозмуктё весиғ жульһ. Отчыд вачкавны кутас гһтырһ да пыштяс Пеклаьд. Кытё лёктё воштыны? Петас дһинь улас, кутас йёрсьыс чипанһс, пыртас керкаас да шыбитас ловья вывьсьыс ломтысян пачас. Сайкалас да эськё каштё жё мортыд* (В.Напалков) (ВК 1992, № 4 : 27) "Дурной настрой когда у него (Александра), даже посуду бьет. Однажды стал бить жену, и убежит Пекла. Куда злость девать? Вышел под окна, поймал со двора курицу, занес в дом и бросил живую в горящую печь. Осознал это и, конечно, кается человек". Популярны глаголы в этом значении в сказках, особенно коми-пермяцких, напр., *Оласё куйм вон, эйһ үчһтёсь, – Яньки, Паньки да Ваньки. И мунаёй гусьясьны йёз сёртни ямаё – пёжалам да пёжалам пё сертниёс. Босьтасё ведразз, локтасё яма дынас* (Кытё 223) "Жили три брата, еще маленькие – Яньки, Паньки и Ваньки. И пошли воровать к чужой яме для хранения репы. Взяли ведра, подошли к яме". Отмеченное значение I будущего *futurum historicum* имеет типологические параллели и в русском языке; в коми-пермяцком фольклоре это значение употребляется гораздо чаще, чем в коми-зырянском, что, вероятно, можно объяснить и большим влиянием со стороны окружающих русских диалектов.

4.7. II будущее время

4.7.1. История и образование временных форм

Коми язык, в отличие от близкородственного удмуртского языка, развил и второе будущее время, т.н. будущее аналитическое, образующееся при помощи сочетания спрягаемых форм вспомогательных глаголов *кутны*, *пондыны*, *мѳдны* в формах I будущего времени с инфинитивом, выражающим основное лексическое значение действия. По сложившейся традиции, II будущее не фиксировалось в нормативных грамматиках и монографиях, посвященных описанию диалектов, однако глаголы в этой разновидности футурума регулярно употребляются в диалектной речи и фольклоре, напр., скр. *Уна кутан тѳдны, водз пѳрысьман* «Говорится в ответ любопытному. Много будешь знать, скоро состаришься» (ОКР 47); *- Аттѳ пѳ, - шуѳны тѳварышьясыд, - ѳти ѳбед нянь коли, и кыдзи пѳ кутам лѳчыны?* “- Вот ведь, - говорят товарищи, - хлеба осталось на один обед, и как, мол, будем возвращаться по реке?”; А *повны кѳ мѳдан ѳд - ѳрѳ эн пыр!* “А если бояться будешь - в лес не заходи!” (КЛП 63, 119).

Образование форм II будущего времени отличается свободной вариативностью в расположении вспомогательного и лексического компонентов:

уджавны 'работать'

Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. <i>кута уджавны (кута)</i>	<i>пондам(ѳ) уджавны (пондам(ѳ))</i>
2 л. <i>кутан уджавны (кутан)</i>	<i>понданныд уджавны (понданныд),</i> кп. <i>пондат уджавны (пондат)</i>
3 л. <i>кутас уджавны (кутас)</i>	<i>пондасны уджавны (пондасны)</i> кп. <i>пондасѳ уджавны (пондасѳ).</i>

Отрицательные формы II будущего времени состоят из трех компонентов: отрицательный глагол + основной лексический глагол + инфинитив. Расположение инфинитива относительно отрицательных спрягаемых форм также может свободно варьироваться, напр., *Земляк землякѳс ѳз мѳд ѳбикайтны, ѳз мѳд и лекѳдны* (Юхнин I 315) “Земляк земляка не будет обижать, не будет и порочить”; *Старик шуас: “Мужиксьясѳс, - шуѳ, - сейны кутан, он.”* “- Ог, - шуѳ” (КЛП 112) «Старик сказал: “Мужиков, - говорит, - есть будешь или нет?” - “Нет, - говорит”; пк. *Яньки да Паньки шѳдѳтасѳ Ванькиѳс пытшкас: - Пыр да чапкав сѳртнисѳ, а ми пондамѳ ведрасѳ тѳчны* (Кытѳѳ 223) «Яньки и Паньки велели залезть Ваньке внутрь ямы: - Забирайся и бросай репу, а мы будем в ведра собирать».

Диакронно история развития II будущего времени охватывает общекومی период, но несомненно то, что начало оформления аналитических форм предшествовало окончательному выделению в языке форм I будущего времени, которые послужили основой для развития аналитического футурума. На относительно недавнее развитие II будущего времени указывает также сохранение полнозначных омонимических глаголов с первичными лексическими значениями *кутны* “держать”, *пондыны* “начинать”, *мѳдны* “отправиться, двинуться в путь”. Эти глаголы в формах прошедших времен употребляются и в значении ‘начинать’ и в первичных значениях, напр., *Сила воис Нюрдорѳ. Сѳѳд пондѳма ѳѳѳреоны: танѳ кывъясѳѳ*

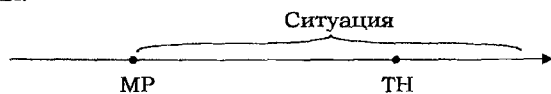
вежѣмъ онъ мын (А.Попов) (Ытѣва 75) "Сила прибыл в Нюрдор. Он начал понимать: здесь не обойдешься лишь словами"; *Ta йылысь ме борынджы жѣгърови, кор ѣтарсянь и мѣдарсянь крукаалыны кутисны* (Ульянов 104) "Об этом я попожже понял, когда отсюда и оттуда начали мешать"; *Сѣмъ горѣдѣ ѣртлы, гашкѣ, мисѣ, бур мортѣс сѣрас, а ме мѣдѣ, сѣрма нин* (Ульянов 104) "Лишь крикнул товарищу, может быть, мол, попадетсѣ хороший человек, а я отправилсѣ, опаздываю уже".

Подобные аналитические конструкции развились во многих финно-угорских языках, мордовских, марийском, прибалтийско-финских, мещетском, см. обзор материала в работе К.Е.Майтинской (1979 : 64-65). Краткое описание будущих аналитических времен в коми, марийском, мордовских языках дано в монографии Б.А.Серебренникова (1960). Типологически совершенно сходное с коми материалом является развитие венгерском языке, где уже в старовенгерском языке глагол *fog-ni* с первичным значением "держатъ", употребляясь с инфинитивом, выражал будущее время, напр., *irni fogok* "я буду писать", *irni fogsz* "ты будешь писать" (Майтинская 1979 : 65). Характерно, что аналитическое будущее в венгерском языке образуется при помощи спрягаемого глагола *fogni*, который стоит всегда в постпозиции к инфинитиву (основному лексическому глаголу), последний всегда остается неизменным, тогда как вспомогательный глагол может спрягаться и в безобъектном, и в объектном спряжении, напр., *tanulni fogok*, *tanulni fogom* (Сий 1981 : 106-107). Распространенное мнение, что в коми, марийском и мордовских языках аналитические будущие времена развились под прямым влиянием русского языка (Серебренников 1960 : 84, 178, 231; Майтинская 1979 : 66). Однако скорее всего это не так, данное явление относится к общетипологическим, развившимся в языках разных семей. На это обстоятельство, грамматикализацию сочетаний глагола *кутны* с инфинитивом указывает Р.Бартенс: «держатъ что-то» > «начать некое действие» > футурум» (Bartens 2000 : 215). Во многих языках аналитическое будущее развилось также относительно поздно, т.е. лексическая связь вспомогательных глаголов с полнозначными еще остается вполне отчетливой: в русском *буду жить* возникло на основе глагола *быть*, английский глагол будущего времени *will* имел первоначально значение "хотеть", а *shall* "должен", в немецком *werden* имеет буквальное значение "становиться" (ЛЭС 77).

4.7.2. Грамматическая семантика

Для многих языков закономерна однотипность инвариантного значения футурума. Так, В.Н.Ярцева отмечает: «Для грамматической категории будущего времени центральным значением является указание на отрезок времени, лежащий дальше момента речи. Значение «будущности» может соединяться с большим количеством созначений. Чаще всего это модальные категории (желание, побуждение, необходимость, обязательность и т.п.» (Ярцева 1975 : 13). Глаголы в формах II будущего обозначают действие, последующее за моментом речи или иным действительным центром, оно мыслится как незавершенное, членимое на фазы, нецелое. Другая особенность семантики – акцентуация на волевом начале субъекта действия, это исходит из того, что слова, обозначающие субъекты дей-

вия глаголов, почти всегда выражают одушевленные реалии (людей, животных, птиц и т.п.). Базовое значение времени можно отразить при помощи схемы:

Ми кутам велѣдчыны водзѣ “Мы будем учиться дальше”.

Точка наблюдения говорящего не совпадает с моментом речи и находится в плане будущего внутри ситуации, следующей за дейктическим центром, напр., *Мед и тэ, кор тайѣс тѣдан, гуманизмѣн висыны мѣдан* (Куратов 74) “Чтобы и ты, когда это знаешь, будешь болей гуманизмом”; *Вѣтавы кута тѣнѣ быд вой, тѣдзи ме вѣна гѣж быран дой* (Г.Юшков) (ВК 1993, № 3-4 : 79) “Буду видеть во сне тебя каждую ночь, я так преодолю боль грусти”.

В семантике II будущего времени можно выделить несколько подзначений.

1) Будущее незаконченное, которое будет совершаться в недалеком будущем или в указанный или в определенный отрезок времени после момента речи, напр., – *Талун оѣ кутѣй пурьясыны, кутам запань крепитны* (Г.Федоров) (Ытва 204) “– Сегодня не будем делать плоты, будем запань укреплять”; *Ужнайтѣдзис на Анна юѣртис Пѣдѣлы, мый талун том ѣѣз Тима ѣѣвгиньясын кутасны войлукны* (Б.Шахов) (ВК 1987, № 9 : 11) “До ужина еще Анна сообщила Пѣде, что сегодня молодежь у Тимы Евгения будет проводить вечеринку”; *Июнѣ 22 лунѣ республика пасьталаын кутам казътыены* Великой Отечественной войнѣын усѣмаясѣс, юкны шогѣс лѣлѣн рѣдѣужкѣд, матыссакѣд (КМ 20.06 1998 : 1) “22 июня в республике будем поминать павших в Великой Отечественной войне, разделять горе с их родственниками, близкими”; пк. – *Мый нѣ тѣ эттишлѣсѣ керин?* – *Джѣдзѣс мѣда мисьявны да нятъсѣ кѣтѣта* (Кытчѣ 227) “– Что ты такое сделал? – Пол буду мыть и грязь вымачиваю”.

2) Будущее незавершенное, которое будет совершаться в неопределенный отрезок времени, “когда-то” в будущем, напр., – *ѣѣюк тѣ, нѣлѣ, ѣѣюк... Бѣрынас аддзан, кутишма кутан овны. Миянѣс на кутан ошкыны. Тѣнѣд и миянлы лѣс лѣсѣдзжык. Отсышитны, колѣкѣ кутасны и* (И.Габов) (Ытва 312) “– Дурочка ты, дочка, дурочка... Потом увидишь, как будешь жить. Нас еще будешь благодарить. Тебе и нам будет лучше. Помогать немного, может, они будут также”; *Кутишлѣм тѣ гѣгѣрѣотѣм. Кыдз нѣ чѣлѣдѣтѣ бѣдтыны мѣдан?* (Рочев 101) “Какой ты непонятливый. Как же детей будешь ставить на ноги?”; *Пукалам рытнас, шогѣям: кыдз нѣ мисѣ пузѣужѣм каганас велѣдчыны кутасны* (Ульянов 111) “– Сидим вечером, беспокоимся: как же мол с новорожденным ребенком учиться будут”. Зачастую для повествователя гораздо важнее указывать просто на будущее действие без уточнения любых обстоятельств его осуществления, напр., *Кутам ми сѣылгътыр му вѣвѣтѣ ветлыны шогѣд кѣ тѣнад оз ло* (Лебедев 69) “Будем мы с песней по земле ходить, если у тебя не будет горя”; *И кута ажкны, кутишлѣм лѣка олѣны... уѣтыртѣм, личкѣм ѣѣз* (Федоров II 43) “И буду писать, как плохо живут угнетенные, задавленные люди”.

3) Будущее потенциальное значение действия у глаголов II будущего времени встречается в составе условных сложноподчиненных предложений, когда говорящий имплицитно подразумевает условное действие, при совершении которого совершалось/совершается действие в главной части сложного предложения или наоборот, напр., *Томдырчи кѳ кутан лѳсьыдджыка овны, сэки оѳ пондѳй пѳрысьмѳмысь повны!* (Лебедев 3) "Если в молодости будем лучше жить, тогда не будем бояться старости" – *Мун гортад да эн болгы, петишѳрьсыс кѳ полан. Кутан кѳ кузь кымы лоны, кык кокѳдыд гидѳ дшѳда!* (Г.Федоров) (Ытѳва 220) "Иди домой и не болтай, если боишься крапивы. Если будешь болтать, за две ноги повешу: хлеву"; *Тулыс кѳжлас пѳ, армияд мунѳкежлѳ, тадз кѳ кутан зѳлыны, бу специалѳстѳн бетон кузьяд лоан* (Куратова 200) "Мол, к весне, к призыву в армию, так если будешь стараться, станешь хорошим специалистом по бетону".

4) Будущее в значении прошедшего, будущее историческое имеют глаголы, употребляемые в повествовательных функциях. Они вводятся параллельно с формами I будущего времени, напр., лл. *Чѳтчас* – *мѳтѳкѳ чипантѳсыд дзуѳмны. Мѳдас шувалны: "Мѳдбур чипантѳ бѳсьта."* (ОКР 165) "Встанет – его моток все курицы распутали. Стал говорить "Самую лучшую курицу заберу"; *Сѳсья верѳс сайѳ сѳѳ зонмыс сайѳ Опрѳс мунас, выль керка лѳптасны, вѳе лѳсьѳдасны да сѳтишѳма овмѳдчасны мѳѳ мукѳд вежалѳмпырысь кутасны кайткы:* – *Со ѳд кутѳшѳм Опрѳснѳнѳѳд овмѳдчи!* (И.Изызов) (Ытѳва 273) "Затем замуж за того парня она выйдет, новый дом построят, лошадь заведут и так заживут, что некоторые завистники будут повторять: – Вот ведь как Ефросиния то зажила!» Несомненно, последнее подзначение является вторичным, возникшим в стилистических повествовательных целях, в фольклорных и художественных произведениях.

Часто глаголы в формах I и II будущих времен употребляются параллельно, в одних и тех же контекстах, различаясь только в аспектуальном отношении, выражая действие или завершенное, цельное, или незавершенное, длительное, членимое на фазы.

Сопоставления с аналитическими будущими временами других языков выявляют отличительные особенности II будущего в коми глаголе. В венгерском языке, как показывают примеры, глаголы в аналитическом будущем времени (*jѳvѳ idѳ*) выражают двuasпектнѳю семантику как незавершенного, так и законченного, ограничительного действия, напр., *Holnap, mozi utѳn tanulni fogok* «Завтра, после кино, буду учиться»; *Tudom, Zsuzsa azt fogja mondani, hogy ѳ nem jѳn moziba* «Знаю, Жужа скажет (то), что она не пойдет в кино» (Сий 1981 : 107). Так, в английском языке будущее неопределенное время (The Future Indefinite Tense), образующееся с помощью вспомогательных глаголов *shall* для 1 лица и *will* для 2 и 3 лиц, несет также двuasпектнѳю семантику, глаголы переводятся на русский язык глаголами в будущем времени совершенного или несовершенного вида в зависимости от общего смысла предложения, напр., *I shall help you* «Я вам помогу» (соверш. вид), *I shall always help you* «Я вам всегда буду помогать» (несоверш. вид) (Петрова 1985 : 84).